

Виктор Сенча

**ДОЛГ - ОТЕЧЕСТВУ,
ЧЕСТЬ - НИКОМУ...**

Виктор Сенча

**Долг – Отечеству,
честь – никому...**

«Алисторус»

2020

УДК 82-311.2
ББК 83.3

Сенча В. Н.

Долг – Отечеству, честь – никому... / В. Н. Сенча —
«Алисторус», 2020

ISBN 978-5-907351-10-3

Новая книга писателя и публициста Виктора Сенчи «Долг – Отечеству, честь – никому...» – не о войне и сражениях. Прежде всего, эта книга – о людях, воинском долге и «белых пятнах» Истории. Прежде всего эта книга – о людях, воинском долге и «белых пятнах» Истории. Предлагаемая работа является продолжением цикла историко-документальных расследований, посвящённых малоизученным фактам в биографиях известных людей. Овеянный славой командир бесстрашного брига «Меркурий» флигель-адъютант Александр Казарский; адмиралы Корнилов, Нахимов, Истомин; российский император Николай I; поэт Николай Гумилёв; герой Порт-Артура и Цусимы «Вятский Поддубный» Василий Бабушкин... В ряде материалов читатель познакомится с редкими архивными материалами, связанными с судьбами героев. В четырех историко-документальных этюдах, объединенных единой военно-морской тематикой, автору удалось не только точно отразить особенности внутренней жизни и внешней политики Российской империи XIX–XX веков, но и раскрыть многие тайны, долгое время скрытые под грифом секретности. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 82-311.2
ББК 83.3

ISBN 978-5-907351-10-3

© Сенча В. Н., 2020

© Алисторус, 2020

Содержание

«Потомству в пример», или Последний бой флигель-адъютанта Казарского	9
I	10
II	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Виктор Сенча

Долг – Отечеству, честь – никому...

- *Сила офицера не в порывах, а в нерушимом спокойствии.*
  - *Авторитет приобретается знанием дела и службы. Важно, чтобы подчинённые уважали тебя, а не боялись. Где страх – там нет любви, а есть затаённое недоброжелательство.*
  - *Нет ничего хуже нерешительности. Лучшие худшее решение, чем колебание или бездействие.*
  - *Душа – Богу, сердце – женщине, долг – Отечеству, честь – никому!*
- Из Кодекса чести русского офицера***

© Сенча В.Н., 2020

© ООО «Издательство Родина», 2020

Автор благодарит за помощь в издании книги и финансовую поддержку Почётного председателя Севастопольского Морского Собрания **Виктора Павловича Кот**.

Выражаю искреннюю признательность за оказанное содействие в подготовке отдельных разделов книги:

- Пакиной Елене Игоревне, директору Государственного архива Кировской области (КОГБУ «ГАКО»);
- Ситникову Владимиру Арсентьевичу, русскому советскому писателю и драматургу, члену Союза писателей СССР, Почётному гражданину Кировской области;
- Пислегиной Марине Юрьевне, директору Вятскополянского исторического музея Кировской области; всем сотрудникам музея;
- Павловой Галине Михайловне, заместителю директора-главного редактора ИД «Южный»;
- Янниковой Елизавете Михайловне, директору Вятскополянской центральной городской библиотеки Кировской области; всему коллективу библиотеки;
- Рябковой Нине Васильевне, методисту Вятскополянской центральной городской библиотеки, краеведу;

А также: Дуловой Галине Михайловне; Гузаировой Фирае Зиннуровне; Даниловой Наталье Владимировне; Дектерёву (Ерёмину) Игорю Вячеславовичу; Камашеву Владимиру Алексеевичу; Сидельниковой Галине Александровне, специалисту-почерковеду; Хазиповой Мадине Хазиповне.

Особая благодарность жителям г. Вятские Поляны и Вятскополянского района Кировской области, поделившимся с автором бесценными воспоминаниями и фотоматериалами: Бабушкину Петру Ивановичу, Колесникову Сергею Николаевичу, Курочкину Владимиру Борисовичу, Ошмариной Валентине Осиповне, Решетниковой Лидии Арсентьевне, Шутовой Валентине Маркеловне и др.

Автор обложки – Вадим Николаевич Заяц

В авторской редакции

«Потомству в пример», или Последний бой флигель-адъютанта Казарского

Не будь искушения, не было бы и венца; не будь подвигов, не было бы и наград; не будь борьбы, не было бы и почестей; не будь скорби, не было бы и утешения; не будь зимы, не было бы и лета.

Иоанн Златоуст

...В середине мая 1829 года корабли Черноморского флота торжественно встречали своего израненного собрата – бриг «Меркурий». Маленький корабль, с пробитыми бортами и изодранными парусами, неторопливо и гордо плыл им навстречу. На юте, прижав к глазу подозрную трубу, стоял командир корабля. Именно его сейчас больше всего хотел видеть командующий Черноморским флотом адмирал Грейг. Извещённая командиром фрегата «Штандарт» о гибели «Меркурия», вся русская эскадра днём 15 мая вышла в море. И когда на горизонте появился героический бриг, на кораблях дружно закричали «ура!»...

В тот момент командующий флотом желал одного – взглянуть победителю в глаза и... обнять. Ещё бы! Ведь такого в истории ещё не бывало – чтобы разведывательное судно вышло победителем из противоборства с двумя линейными кораблями; в данном случае – с флагманами турецкого флота.

В Российской империи взошла яркая звезда нового Героя – командира брига «Меркурий» капитан-лейтенанта *Александра Казарского*.

Никто тогда не мог предположить, что всего через несколько лет блистательный морской офицер Казарский неожиданно для всех скончается, унеся в могилу тайну своей смерти, ставшей, пожалуй, самой большой загадкой века. Ничего удивительного, что после этой трагедии появились слухи один страшнее другого. Но все они сходились к одному: Героя **отравили**. Многие уверены в этом и сегодня.

Так ли это, мы и попробуем разобраться...

I

*Такого самоотвержения, такой героической стойкости пусть ищут
в других нациях со свечой...*

В. Истомин о подвиге брига «Меркурий»

...Турки не собирались никому ничего прощать. Тем более – гяурам. Вся эта химерная свобода для греков, валахов, сербов и болгар не стоила бы и выеденного яйца, не оказалась рядом русские. Эти всегда появлялись не вовремя.

Хуже было другое: по вине этих самых гяуров Блистательная Порта едва не лишилась своего военного флота. Ещё не были забыты разгром у Хиоса, Наварина и Чесмы – и вдруг снова Наварин! За один день (8 (20) октября 1827 года) в Наваринской бухте на юго-западе Пелопоннеса краса и гордость Османской империи – морской флот, – по сути, перестал существовать. Шестьдесят превосходных кораблей объединённого турецко-египетского флота были сожжены, потоплены или оказались у противника...

Узнав о случившемся, султан Махмуд II¹, казалось, лишился рассудка! Он будто забыл про свой гарем с первыми красавицами Востока, а в порыве ярости едва не убил главного евнуха. Ведь пока Махмуд развлекался с жёнами, его матросы умирали в бою. Даже он, всемогущий султан, под властью гнева Аллаха...

Молитвы помогли. Оказавшись при разделе жирного османского пирога, вчерашние союзники России, Англия и Франция, повели себя с алчностью, достойной вероломства их соотечественников – пиратов Дрейка, Моргана и Левассёра. Втянув Николая I в серьёзный конфликт, европейские державы, получив своё, оставили Петербург один на один с Константинополем. Россия же, подписав Лондонскую конвенцию 1827 года (о полной автономии Греции), загнала себя в непростую ситуацию: рассматривая греков частью своего населения, Османская империя отказалась признавать навязанную ей конвенцию. Воспользовавшись противоречиями, Порта объявила себя свободной от всех соглашений с Россией, выслала русских дипломатов и закрыла для наших кораблей Босфорский пролив.

Объявив русским джихад, султан Махмуд II выразил желание для защиты ислама стать во главе своего войска. Для этого он перенёс османскую столицу в Адрианополь, после чего приказал укрепить турецкие крепости, расположенные на Дунае. Императору Николаю I ничего не оставалось, как в апреле 1828 года объявить Блистательной Порте войну. Русские войска, расквартированные в Бессарабии, вступили на сопредельные земли османов. Началась Русско-турецкая война 1828–1829 гг.

Махмуд II надеялся на скорую победу: его армии общей численностью 200 тысяч человек (150 тыс. на Дунае и 50 тыс. на Кавказе) противостояло почти вдвое меньше неприятельских войск: 95-тысячная Дунайская армия генерал-фельдмаршала Витгенштейна и 25-тысячный Отдельный Кавказский корпус под командованием генерала Паскевича. Но, лишившись под Навариным своих кораблей, Оттоманская Порта, по сути, осталась без боеспособного флота. Босфор прикрывал десяток судёнышек – одна лишь видимость против русских фрегатов.

И пока Дунайская армия Витгенштейна освобождала Молдавию, Валахию² и овладевала Варной, турки спешно чинили старые и строили новые корабли – им позарез был нужен непо-

---

¹ Махмуд II (1785–1839) – 30-й османский султан; правил с 1808 по 1839 годы. Прославился рядом важных реформ, важным результатом которых стало уничтожение янычарского корпуса. В годы его правления резко обострились отношения Османской империи с Египтом, проводившим независимую от султанского правительства политику.

² Валахия – историческая область на юге современной Румынии, между Южными Карпатами и Дунаем; делится рекой Олт на Мунтению (Большую Валахию) и Олтению (Малую Валахию). Часть древнего рабовладельческого Дакского царства.

бедимый флот! Над Портой день и ночь стоял стук тысяч топоров и шелест сотен пил: турецкий султан возвращал к жизни свои военно-морские силы. Неподчинение или уклонение от работ каралось смертной казнью.

На суше у турок тоже обстояло не всё гладко. В соответствии с планом русского генштаба, фельдмаршал Витгенштейн, форсировав Нижний Дунай, должен был двинуться на Варну и Шумлу, а потом, перейдя Балканы, начать наступление на Константинополь; одновременно с этим планировалось, что особый отряд произведёт десант у Анапы и после овладения ею присоединится к главным силам.

В июне 1828 года турки сдали крепости Мачин и Браилов; морская экспедиция русских к Анапе также увенчалась успехом. В начале июля главные силы армии Витгенштейна подошли к Шумле и, перекрыв дороги с восточной стороны, блокировали крепость от сообщений с Варной. Вскоре к Варне из-под Анапы прибыл русский флот, после чего возглавлявший десантную операцию новый начальник Главного морского штаба князь Александр Меншиков³ приказал обложить крепость с севера и начать осадные работы.

Однако осада Варны и Шумлы затянулась. Кроме того, в войсках, стоявших под Шумлой, свирепствовали дизентерия и тиф; лошади сотнями гибли от сапа и голода. Ко всему прочему, турки отчаянно сопротивлялись.

Из воспоминаний сенатора К. Фишера⁴:

*«Взяв со славою Анапу, между тем как действия наши в европейской Турции были очень неблестящи, Меншиков переплыл море и получил в командование корпус, назначенный для взятия крепости Варны. Меншиков действовал с необыкновенной энергией и быстротой, но когда все было готово к штурму, – последнее ядро, пущенное с крепостной стены вечером, пролетело между ног князя Меншикова в ту минуту, когда он, сходя с лошади, упер одну ногу в землю, а другую вынимал из стремя. Ядро вырвало ему все мясо с обеих ляжек, но не повредило ни кости, ни главных мускулов. Покуда это дошло до сведения главной квартиры, где был и государь, командование принял Перовский, на другой день раненый пулею в грудь навывлет. На место Меншикова назначен был граф Воронцов, который и довершил взятие Варны».*¹

Прибывшие под Варну русские гвардейцы изменили ситуацию в свою пользу: 29 сентября крепость пала. Турки были в отчаянии! Явившийся на подмогу для защиты цитадели 30-тысячный турецкий корпус спешно отступил, преследуемый отрядом принца Евгения Вюртембергского.

А вот Шумлу и Силистрию взять измором не удалось. Во многом это объяснялось нехваткой в войсках снарядов для осадной артиллерии. Впрочем, это уже ничего не меняло. После падения Варны гвардия и находившийся на театре военных действий император (штаб-квартира Николая I располагалась на корабле «Париж»⁵) возвращались домой; остальные войска оставались на зиму на отвоёванных ими территориях.

---

³ Меншиков, Александр Сергеевич (1787–1869) – светлейший князь, генерал-адъютант, адмирал, морской министр Российской империи (1836–1855 гг.), генерал-губернатор Финляндии (1831–1854 гг.). Правнук фаворита Петра I. В начале Отечественной войны 1812 года поручик князь Меншиков был назначен дивизионным квартирмейстером 1-й гренадерской дивизии 3-го пехотного корпуса (генерал-лейтенанта Тучкова 1-го) 1-й Западной армии. Принимал участие во всех сражениях своей дивизии; за отличие при Бородине был произведён в штабс-капитаны.

⁴ Фишер, Константин Иванович (1805–1868) – действительный тайный советник, сенатор, директор департамента железных дорог. Оставил обстоятельные воспоминания. Начав госслужбу в канцелярии Министерства финансов, год спустя был определён в Департамент мануфактур и внутренней торговли. В 1828 году перешёл на службу в канцелярию начальника морского штаба; блестяще справившись с поручением хранить суммы, выданные на экстраординарные по флоту расходы и вести им счёт, удостоился денежной награды в 1000 руб. «в знак *Монаршего* удовольствия за хорошее изложение отчета по главному морскому штабу». Заведовал Собственной канцелярией финляндского генерал-губернатора. В 1840 году был назначен директором канцелярии комитета и строительной комиссии Николаевской железной дороги; с 1842 года – директор Департамента железных дорог, с оставлением в прежней должности, которую он занимал по морскому ведомству.

⁵ Командиром линкора «Париж» адмирал Грейг назначил своего любимца – капитана 1-го ранга Николая Критского. Услужливость и расторопность Критского так понравились императору, что в 1832 году тот станет контр-адмиралом и обер-

* * *

Теперь про Отдельный Кавказский корпус. Начав боевые действия несколько позже, части корпуса вторглись в пределы Азиатской Турции. 23 июня, после трёх дней осады, пала хорошо укреплённая, окружённая двойной высокой стеной, крепость Карс. Через месяц войска Паскевича овладеют крепостью Ахалкалаки, затем – несколькими крепостями поменьше; чуть позднее падут Поты и крепость Баязет.

Тем не менее к маю 1829 года на европейском театре военных действий военные силы Порты чуть ли не в два раза превышали численность русских войск (с учётом 40-тысячного албанского ополчения почти 190 тысяч против 100 тысяч). В азиатской части 100-тысячному войску османов противостояло лишь 20 тысяч генерала Паскевича.

Но и это не всё. Турки, подстрекаемые британцами, всячески содействовали дестабилизации в Персии и нагнетанию там антироссийских настроений. К слову, персам было что держать за пазухой. Согласно Туркманчайскому мирному договору 1828 года, заключённому между Российской и Персидской империями, Персия подтверждала переход к России части Каспийского побережья до Восточной Армении (с переселением туда армян из Ирана). Кроме того, персидский шах обязывался выплатить России немалую контрибуцию в 10 куруров туманов⁶, или 20 миллионов рублей.

Персы скрипели зубами. Неприкрытое унижение со стороны могущественного соседа лишило их сна. Трущобы требовали крови и, конечно, зрелищ. Впрочем, тучи сгустились уже давно.

Сенатор Константин Фишер вспоминал:

*«По неожиданной кончине Александра I князь [Меншиков] написал к новому государю письмо, прося о принятии его в службу. Он был принят генерал-адъютантом по-прежнему и вслед за тем отправлен в Тегеран с чрезвычайным посольством. Персидский кабинет замышлял уже вероломство: сначала князь принят был хорошо, но потом его арестовали, и он, едва ли не более года, лишен был свободы. Наконец разрешено ему выехать, и тут прислан был к нему какой-то сановник с предостережением: советовали князю ехать каким-то необычным путем, потому что на главной дороге ему грозит опасность от раздраженного народа. Между тем князь узнал под рукой, что на тот необычный путь, на который ему указывали, подсланы были убийцы. Князь совершенно неожиданно направился на главную дорогу и проехал благополучно. Весной 1827 года воротился он в Петербург».*²

Осенью 1828 года в Персию прибыло новое русское посольство во главе с Александром Грибоедовым (автором «Горя от ума»), в задачу которого входило добиться от шаха выполнения статей мирного договора.

В результате, из Персии тысячи армян потянулись на родину, которая к тому времени стала частью Российской империи. Пожелали вернуться и евнух шахского гарема, и главный казначей, и даже хранитель драгоценных камней шаха – тоже армянин. Известие о последнем окончательно взбесило Фетх Али-шаха⁷. Персы потребовали выдать беглеца, на что Грибоедов ответил решительным отказом. Когда же в русской миссии укрылись две армянки из гарема одного из родственников шаха, чаша терпения последнего переполнилась.

интендантом Черноморского флота.

⁶ Один персидский курур туманов в XIX веке по отношению к российской валюте был равен 2 миллионам рублей серебром.

⁷ Фетх Али-Шах (1772–1834) – второй шах Ирана династии Каджаров, племянник и преемник основателя Каджарской династии, скопца Аги Мохаммеда. Правил с 1797 по 1834 годы, до своей смерти.

30 января (11 февраля) 1829 года толпа из тысяч религиозных фанатиков напала на русское посольство в Тегеране (по иранским данным, в тот день у посольства находилось около 100 тысяч человек). В схватке погиб весь казачий конвой миссии (35 казаков) и сам Грибоедов. Согласно записям единственного уцелевшего – секретаря дипмиссии Ивана Мальцова, – в результате нападения погибли 37 находившихся в посольстве человек и 19 нападавших; считается, что один только Грибоедов, отстреливаясь от исламистов, убил 18 человек. (Тело дипломата, изуродованное до неузнаваемости, было опознано по шраму на кисти левой руки, оставленному в памятной дуэли с Якубовичем в 1818 году.)

Резня в Тегеране вызвала серьёзный дипломатический скандал. В Санкт-Петербург прибыл внук шаха Хосрев-мирза, который, помимо извинений за убийство посла, преподнёс российскому императору Николаю I знаменитый алмаз «Шах»⁸.

Здесь следует пояснить следующее. Россия – не Восток: русский царь не стал требовать от персидского шаха компенсацию за пролитую кровь. Империя Романовых, считали в Петербурге, была выше восточных средневековых традиций – в том числе таких, как «выкуп за кровь». Другое дело – контрибуция. И те 10 куруров (20 миллионов рублей) для России, находившейся в состоянии войны с Османской Портой, были не лишними. Тем не менее к декабрю 1828 года Персидский двор смог выплатить меньше половины (8 куруров) от ожидаемого. Понимая, что больше с персов вряд ли что удастся взять, император Николай I потребовал прислать в Петербург посольство с извинениями, а также наказать виновных. И тот факт, что представители шаха всё-таки явились к царю, уже было большой победой русской дипломатии.

Миссия принца Хосрев-Мирзы прибыла в Петербург в первых числах августа 1829 года; внук шаха был удостоен Высочайшей аудиенции в Зимнем дворце, во время которой вручил Николаю I шахскую грамоту – так называемое «извинительное письмо». Император был настроен миролюбиво. Выслушав грамоту, монарх произнёс:

– Я предаю вечному забвению злополучное тегеранское происшествие...

По знаку Хосрев-Мирзы были внесены дорогие подарки. Помимо алмаза «Шах», императору преподнесли двадцать редкостных манускриптов, кашемировые ковры, жемчужное ожерелье для императрицы, саблю для наследника Александра и восточные украшения для великих княжон. Монарх остался доволен и подаренными великолепными арабскими скакунами из личных конюшен шаха.

Хотя Николаю от персов нужны были не подарки. Тем более что удивить драгоценностями самодержца самой большой империи было не так-то просто; неужели шах забыл, что богаче русского царя не было под луной ни одного монарха?.. Поэтому, оценив миролюбивый жест соседей, император оказался великодушен: он снизил сумму контрибуции, предусмотренной мирным договором, до минимума, увеличив срок выплаты на пять лет. Прощаясь с принцем, Николай буквально осыпал миссию подарками. Достаточно сказать, что в числе последних оказались даже 12 орудий новейшего образца; а для перевозки подарков понадобилось две сотни лошадей.

Хосрев-Мирза от устроенной ему в России встречи был в восторге. Но ещё больше оказался доволен российский император Николай. Ведь он добился от персов главного – нейтралитета в конфликте России с Портой. «Тегеранский инцидент» был улажен, а финал русско-турецкой войны – предопределён.

Хотя угроза – осталась. Восток – есть Восток...

---

⁸ Алмаз «Шах» – уникальный по чистоте всемирно известный исторический драгоценный камень массой 88,7 карат, желтовато-бурого оттенка, по форме напоминающий скошенную ромбическую призму. Особенность алмаза: он не огранён, а отполирован. После бриллианта «Орлов» (199,6 карат) – второй по ценности камень, находящийся в Алмазном фонде Московского Кремля Российской Федерации. Предположительно был обнаружен в 1450 году в копиях Голконды (юго-восток Индии, близ Хайдарабада) и первоначально принадлежал правителям династии Великих Моголов, затем – персидским шахам.

Ну а спасительным щитом Российской империи являлся Черноморский флот. В распоряжении главного командира флота адмирала Грейга находилось почти шестьдесят военных кораблей, готовых по первому же сигналу ринуться в бой. С учётом того, что в Эгейском море крейсировала эскадра адмирала Гейдена⁹ (35 судов, отличившихся в морском сражении при Наварине), сила нашего флота была неимоверная.

А ещё турки не догадывались об одном секрете, который имелся на борту каждого российского корабля, в груди каждого матроса – будь то юнга-первоходок или обветренный ветрами адмирал. Хотя, если б озвучить название этого секрета, это османам ни о чём бы не сказало: РУССКИЙ ХАРАКТЕР.

* * *

Итак, 14 (26) мая 1829 года бриг «Меркурий», с 20 орудиями на борту, под командованием капитан-лейтенанта Александра Казарского крейсировал близ пролива Босфор в составе отряда из трёх кораблей. Помимо «Меркурия», в отряд входили 44-пушечный фрегат «Штандарт» (командир – капитан-лейтенант Пётр Сахновский) и 20-пушечный бриг «Орфей» (капитан-лейтенант Евгений Колтовский). Общее руководство отрядом было возложено на капитан-лейтенанта Сахновского.

Неожиданно в 13 милях от пролива отряд обнаружил двигавшуюся со стороны Турции неприятельскую эскадру. Подсчитав количество кораблей противника (их оказалось четырнадцать!), Сахновский передал сигнал: «Меркурию» – лечь в дрейф»; после чего «Штандарт» и «Орфей» повернули назад. За ними с раздутыми парусами устремилась вся турецкая эскадра...

За происходящим внимательно наблюдал в подзорную трубу капитан «Меркурия», поэтому, когда Казарский увидел шедших в обратном направлении разведчиков, преследуемых неприятелем, он приказал поднимать паруса. А на мачте поравнявшегося «Штандарта» появился новый сигнал: *«Избрать каждому курс, каким судно имеет преимущественный ход».*

Ещё немного – и «Меркурий» оказался один на один со стремительно приближающимися турецкими кораблями. Хотя, как видел в трубу Казарский, через какое-то время турецкая эскадра легла в дрейф, предоставив поиграть с маленьким бригам флагманам турецкого флота – 110-пушечному «Селимие» (под флагом капудан-паши) и 74-пушечному «Реал-бею», младшему флагману. В любом случае, шансов у брига, с его 18 пушками (плюс 2 – переносные) против 184 орудий турок, не было никаких – гибель или плен. Османы, воодушевлённые недавним пленением русского фрегата «Рафаил» (об этом чуть позже), ничуть не сомневались: с бригам будет тоже самое; даже ещё проще – не станет же этот кораблик отстреливаться...

Однако упрямый бриг всячески пытался уйти от преследователей. Когда после полудня ветер заметно стих, Казарский приказал:

– Ростры разобрать! Идти на вёслах...

Турки стали заметно отставать. Но так продолжалось недолго: вскоре ветер посвежел, и турецкие корабли, оказавшись на расстоянии пушечного выстрела, открыли огонь из носовых погонных пушек. Видя, что оторваться не удастся, Казарский собрал военный совет. Командир дал высказаться каждому – с учётом воинской традиции, начиная с младшего по чину. Первым сказал слово поручик корпуса флотских штурманов Иван Прокофьев; последними – старший офицер лейтенант Сергей Скорятин и второй лейтенант Фёдор Новосильский. Офицеры еди-

---

⁹ Гейден, Логин Петрович (1773–1850) – русский адмирал, из старинного вестфальского графского рода. Начиная службу в голландском флоте; прославился удачным командованием русскими кораблями в Наваринском сражении (октябрь 1827 г.), за что был пожалован в вице-адмиралы. С декабря 1833 года – полный адмирал. Позже станет военным губернатором Ревеля (Таллин) и главным командиром Ревельского порта. Похоронен в Таллине.

нодушно приняли предложение поручика Прокофьева вступить с турками в бой; и если бриг будет в сражении разбит настолько, что более не сможет сопротивляться, то, сцепившись с одним из турецких кораблей, взорвать бриг вместе с ним. Для этой цели было решено на шпиль положить заряженный пистолет со взведённым курком. Однако каждый понимал: в открытом море да при дневном свете бригу вряд ли удастся уцелеть в такой переделке. И уж тем более – победить...

Решение военного совета драться до последнего поддержал командир корабля капитан-лейтенант Казарский:

– Ну что ж, господа офицеры, будем драться! Последний из оставшихся в живых должен будет зажечь крюйт-камеру¹⁰, для чего, как и было предложено, на шпиль положим пистолет... Надеюсь, господа, матросы и канониры нас поддержат. Не посрамям славы Андреевского флага! Именно этого требуют от нас присяга на верность Государю нашему и Отечеству, а также долг офицеров флота Его Величества...

С теми же словами командир обратился и к матросам, закончив речь воодушевлённым воззванием:

– Умрём, братцы, но бриг не сдадим! Дадим бой басурманам! По местам стоять! К бою! За Веру, Царя и Отечество!..

Вскоре команда изготовилась к неравному бою. Канониры встали у орудий; офицеры и матросы расположились по своим местам; часть матросов ждала сигнала у вёсел. На юте виднелась фигура командира. После команды Казарского по противнику был открыт ответный огонь.

Турки приблизились совсем близко. «Селимие», ударив из пушек левым бортом, начал обходить бриг справа. Удачно уклонившись, «Меркурий» пытался маневрировать, однако вскоре нависла реальная угроза оказаться зажатым между османскими кораблями.

– Паруса – убрать! Сдавайся, урус-шайтан! – кричали с флагмана.

– Цельсь, пли! – слышался голос лейтенанта Новосильского.

Ядра, книппели и брандскугели¹¹ летели в «Меркурий» не переставая. Но это ничего не меняло: корабль должен был выстоять! Так решил командир, а дальше... Дальше всё будет зависеть от слаженности действий экипажа...

* * *

Александр Казарский поступил на флот волонтером; в шестнадцать лет стал гардемаринном, в семнадцать – произведён в мичманы. Звёзд с неба не хватало: плавая на тихоходных бригантинах (двухмачтовых малых бригах), перевозил вдоль черноморских берегов разного рода грузы. Потом написал рапорт о переводе на Дунайскую флотилию. Служить пришлось в Измаиле, где работы тоже хватало, тем более что под началом оказались не парусники, а... тихоходные «галеры», как смеялись над гребными судами сами моряки. Зато будущий «морской волк» там многому научился – по крайней мере, «вёсельное ремесло» освоил в совершенстве.

Став лейтенантом, в 1819 году Казарский вернулся служить в Севастополь. К началу русско-турецкой войны он командовал транспортным судном «Соперник». Когда по распоряжению адмирала Грейга транспорту был придан единокор¹², корабль переоборудовали в так

---

¹⁰ Крюйт-камера – в парусном флоте помещение на корабле для взрывчатых веществ – так называемый пороховой погреб.

¹¹ Книппель (нидерл. *Knippeel* – «дубинка») – снаряд корабельной артиллерии во времена парусного флота. Снаряд предназначался для разрушения такелажа и парусов и состоял из двух массивных чугунных деталей (ядер, полуядер, цилиндров), соединённых железным стержнем. Брандскугель (от нем. *Brand* – пожар, нем. *Kugel* – ядро) – зажигательный снаряд корабельной гладкоствольной артиллерии; отличался своей ненадёжностью, и даже считался опасным оружием, так как часто разрывался при вылете из ствола.

¹² Единокор – старинное русское гладкоствольное артиллерийское орудие-гаубица. Изобретён в 1757 году русским артил-

называемый *бомбардирский корабль*. При осаде Анапы «Соперник», пользуясь своей маневренностью, в течение трёх недель обстреливал с мелководья крепостные укрепления турок. Правда, пришлось дважды пожертвовать рангоутом и целостностью корабельных бортов (судно получило шесть серьёзных пробоин). Опыт Анапы пригодится экипажу при осаде Варны, где единокорго «Соперника» попортил туркам немало крови.

Участие в боевых действиях окупится сторицей: за взятие Анапы Казарский будет произведён в капитан-лейтенанты; а за проявленную храбрость под Варной офицера пожалуют золотой саблей с надписью «За храбрость». Но главная награда ждала героя впереди: в начале 1829 года приказом командующего Черноморским флотом 32-летний капитан-лейтенант Казарский получит под начало настоящий боевой корабль – 20-пушечный бриг «Меркурий».

Сейчас, неотрывно глядя на надвигающиеся туши османских мастодонтов, Казарский понимал: всё, что он знал и чему учился многие годы – всё это делалось для этого неравного единоборства, проиграть в котором он просто не мог, не имел права. Спасти корабль и матросов – не самоцель. Главное – сохранить честь Андреевского флага!..

А потому бояться не было времени – следовало торопиться. Будь кто на его месте, наверняка бы растерялся – от мощи противника, от неравенства сил, от безысходности, наконец... Казарский ничуть не сомневался, что на это и надеялись османы – раздавить нахрапом, не дав опомниться. И не таких, мол, брали! Но мысли об этом только распяляли русского офицера. Однажды его мудрый наставник, ставший недавно контр-адмиралом, Иван Семёнович Скаловский¹³, сказал:

– Никогда не забывай присказку старика-Суворова: не числом – а умением! Безвыходных ситуаций не бывает – бывают растерявшиеся командиры...

Слова Скаловского, всплывшие сейчас в голове, больно кольнули сердце: неужели он, капитан-лейтенант Казарский, при виде наступающего врага растерялся? Нет, нет и ещё сто раз – нет!

Ему вдруг вспомнился Измаил со своими «галерами». Гребные судёнышки, несмотря на их кажущуюся неуклюжесть, на учениях ловко увёртывались от атак более сильных кораблей! То вёслами вправо, то – влево; то резко на месте по команде «табань». Сегодня его гребцам досталось по полной! И если бы не ветер, кто знает, ушли б и от турок...

Между тем неустойчивый норд-вест то затихал, то ударял резкими порывами. Турки приблизились почти вплотную, на расстояние пистолетного выстрела, норовя зажать. С «Селимие» вновь раздалось противное:

– Сдавайся, гяур, убирай паруса!..

Сейчас не помогут даже вёсла. И всё же... не бывает безвыходных ситуаций! Пойти на абордаж... вряд ли, не получится. Разве что в самый последний момент...

В какой-то момент боя лицо Казарского окаменело: на его глазах неприятельское ядро перебило гафель, из-за чего Андреевский флаг, ещё минуту назад гордо реявший над «Меркурием», рухнул на палубу.

– Флаг! – крикнул он. – Лейтенант Скорятин, немедленно поднять новый флаг!..

Взгляды офицеров, обращённые на своего командира, воодушевляли: в них не было ни тени испуга или растерянности. Лишь тревога от того, сможет ли Казарский выбрать правильное решение.

Ход... Всё зависит от хода корабля. От этого самого хода, то есть от скорости, напрямую зависит маневренность. А маневренность – это живучесть судна. Нет хода – нет жизни...

леристом М. В. Даниловым совместно с С.А. Мартыновым; на вооружение поставлен графом П. И. Шуваловым. Своим названием орудие обязано фамильному гербу последнего, на котором был изображён фантастический зверь-единорог.

¹³ Под началом капитана 2-го ранга Скаловского лейтенант Казарский служил в начале 1820-х годов на фрегате «Евстафий».

– Бей по рангоуту! – громко крикнул, повернувшись к канонирам, Казарский. – Лейтенант Новосильский, мачты, паруса – всё к чертям собачьим! Вали ватер-штаг!..

«Меркурий» вздрогнул от мощной пушечной отдачи. В сторону турецкого флагмана полетели раскалённые ядра...

Как это было в действительности, послушаем самого Александра Казарского (из рапорта адмиралу Грейгу от 15 мая 1829 года):

«...Какже корабли уже часто беспокоили ядрами, то, убрав вёсла, поставил людей по ордонансу и, не имея возможности действовать в его карронадами¹⁴... приказал отрубить ял, висевший за кормой, и успевал отвечать на неприятельские выстрелы, нанося им вред, может быть, чувствительнее, нежели они мне.

Вскоре после сего 110-пушечный корабль начал спускаться, чтобы занять у меня правую сторону и, может быть, имел намерение сделать залп вдоль брига, но я избежал этого, опустившись к N, и ещё около получаса терпел только от одних погонных пушек, но после был уже поставлен между двух кораблей. Сделав по мне два залпа, со стопушечного корабля начали кричать, чтобы бриг сдался и убрал паруса. Но как им отвечали на это всю артиллерию, ружьями и крикнутым «Ура», то оба корабля, сдавшись несколько за корму, продолжали беспрестанный огонь до 4-х часов, поражая ядрами, кншпелями, картечами и брандскугелями, с которых одна, к большому несчастью... произвела пожар, хотя оный вскорости был остановлен. Во всё продолжение сражения я только мог... уклоняясь несколько бортами к кораблям, смотря по положению их, и воспользовавшись неуклюжим маневром 74-пушечного корабля, заставил их держаться за мною на NW, но, наконец, провидению угодно было спасти нас. Действуя по стопушечному кораблю правым бортом, перебиты у него ватер-штаг и повреждена грот-брам-стенга, от чего он, закрепив трюсели, грот-брамсель и бом-брамсель, начал понескольку от меня отставать, и потом, приведя на левую сторону, сделал по бригу залп из всей артиллерии и лёг в дрейф. А семидесятипушечный корабль, переменяя галсы под кормою, бил ужасно продольными выстрелами, и сколько я ни старался избегать оных, не прежде привел от меня, как в 5 часов с повреждённым руслем, потеряв фор-брам-рей и левый нок фор-марса-рей, которая увлекла за собою лисели.

*...Имея честь донести Вашему Высокопревосходительству о действиях вверенного мне брига, я не имею ни слов, ни возможности описать жара сражения, выдержанного в продолжении 3-х часов между двух кораблей... а ещё менее выразить отличную храбрость и усердие офицеров и команды, коих мужеством и расторопностью спасён российский флаг и бриг от неизбежной гибели. В продолжение сражения убито рядовых четыре человека, ранено шесть. Пробоин подводных и в корпусе судна 22, в рангоуте 16, в парусах 133, перебито такелажу 148 штук, гребные суда, карронада и много запасных вещей, о чем имею честь донести, представляя список офицерам и табель нижним чинам на благоуважение Вашему Высокопревосходительству».*³

Дабы не утомлять читателя переводом со специфического на обычный язык трудновыговариваемых «ватер-штаг», «грот-брамсель» и прочих «трюселей» со «стенгами», резюмируем: выбрав целью рангоут¹⁵ и такелаж¹⁶ турецких линейных кораблей, командиру русского

¹⁴ Карронада (каронада) – короткое корабельное гладкоствольное орудие, сделанное из чугуна и стреляющее тяжёлыми ядрами с малой скоростью. Впервые появилось в Шотландии в 1770-е годы, на заводе «Каррон», отсюда и название. Достоинства карронады: высокая скорострельность, позволяющая вести более плотный огонь; из-за низкой отдачи использовался не колёсный лафет, а скользящий станок; будучи тонкостенной, имела сравнительно малый вес.

¹⁵ Рангоут – обобщающее название устройств для постановки парусов (их подъёма, растягивания и удержания в рабочем положении), выполнения грузовых работ, подъёма сигналов и т. д.; на судах парусного флота рангоут изготавливался из дерева. К рангоуту относятся: мачты, стеньги (продолжения мачт), рей (горизонтальные рангоутные деревья для несения

брига удалось не только повредить ходовые элементы неприятельских парусников, но и заставил их лечь в дрейф, окончательно лишив маневренности. Будь вместо брига, скажем, фрегат, и от хваленых османских флагманов остались бы одни головёшки...

Решительность командира корабля и храбрость его команды сделали своё дело: маленький бриг вышел из трёхчасового сражения победителем! Провожая глазами израненных турецких «мастодонтов», матросы громко кричали «ура!», гордясь своим подвигом не меньше стоявшего рядом с ними командира. Ну а сам Александр Казарский в тот миг ничуть не сомневался: безвыходных ситуаций не бывает – бывают растерявшиеся командиры... Прав был старик-Суворов: не числом – а умением!

* * *

Закон парных случаев никто не отменял; по крайней мере, его не оспоришь. А потому он, этот вредный закон, всё-таки существует. В любом случае, в контексте нашего повествования парный случай налицо.

За три дня до описанных выше событий, связанных с подвигом брига «Меркурий», произошло, по сути, аналогичное: русский фрегат «Рафаил», окружённый целой турецкой эскадрой, оказался в безвыходном положении. И когда встал вопрос: драться до последнего или оказаться в плену, – командир отдал приказ: флаг спустить!

Впрочем, всё по порядку.

В начале мая 1829 года, в самый разгар морского противостояния в ходе русско-турецкой войны, близ анатолийских берегов курсировал новенький 36-пушечный фрегат российского Черноморского флота «Рафаил» («Архангел Рафаил»). Это был первый большой боевой корабль, построенный в Севастополе. Спущенный со стапелей заводской верфи всего год назад, корабль (штатный экипаж 44 офицера, всего 326 человек) уже успел побывать в районе реальных боевых действий.

Сначала у мыса Калиакрия он прикрывал суда, доставлявшие в порты Румелии¹⁷ грузы для русской армии. Затем, прибыв в конце июля 1828 года на рейд Варны (в то время там находилась эскадра адмирала Грейга), корабль участвовал в бомбардировке крепости. 17 августа в составе отряда капитана 1-го ранга Критского фрегат, обстреляв батареи турецкой крепости Инада, высадил десант, который после штурма овладел ею. Именно команде «Рафаила» было доверено доставить в Одессу пленённого коменданта Варны Юсуф-пашу со свитой.

В феврале 1829 года «Рафаил» в составе отряда контр-адмирала Кумани¹⁸, выйдя из Севастополя, участвовал в крейсерстве в районе Варна-Босфор. 15 февраля корабли отряда с

прямых парусов), гафели (наклонные рангоутные деревья), бушприт (наклонная мачта, устанавливаемая на носу судна) и др. На многомачтовых кораблях первая (носовая) мачта называется фок-мачта, вторая (срединная, одна или несколько) – грот-мачтой, а третья, самая маленькая, – бизань-мачтой.

¹⁶ Такелаж – общее название всех снастей на судне или вооружение отдельной мачты или рангоутного дерева, употребляемое для крепления рангоута и управления им и парусами. Разделяется на стоячий и бегучий. Стоячий такелаж служит для удержания рангоутных частей в надлежащем положении, бегучий – для постановки, уборки парусов, управления ими, изменения направления отдельных частей рангоута.

¹⁷ Румелия – от арабского названия Восточной Римской империи – Рум (Рим). Так называли европейские владения Османской империи, включавшие в себя древнюю Фракию и часть Македонии, в отличие от азиатских владений – Анатолии. Сейчас это юго-восточные области Болгарии (крупнейший город – Пловдив).

¹⁸ Кумани, Михаил Николаевич (1770–1865) – русский адмирал, сын контр-адмирала Николая Петровича Кумани – родоначальника славной плеяды отечественных военных флотоводцев. Прославился во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг., когда в чине контр-адмирала возглавил отряд кораблей, высадивших десант в районе Сизополя, в результате чего турецкая крепость пала. В 1833 году во главе отряда судов отличился в экспедиции адмирала Лазарева к Босфору, где у местечка Ункиар-Искелесси высадил десант, решивший исход операции. В 1855 году был назначен членом Адмиралтейств-совета; в том же году был произведён в чин полного адмирала.

войсками на борту подошли к крепости Сизополь, обстреляли береговые укрепления и высадили десант. После сдачи крепости фрегат ушёл в Варну: на его борту находились ключи от Сизополя, трофейные знамёна и пленные турки...

А потом наступил день 11 (23) мая 1829 года – самый чёрный день не только для корабля и всей его команды, но и российского флота.

Во время крейсерства в открытом море фрегат «Рафаил» напоролся на целую армаду неприятельских судов. Как оказалось, то была турецкая эскадра, состоявшая из шести линейных кораблей, двух фрегатов, пяти корветов и двух бригав (всего пятнадцать единиц)¹⁹. Попытка уйти от превосходящего противника не удалась; вскоре русский корабль был в плотном вражеском кольце.

Отчаянное положение, в котором оказался «Рафаил», смутило команду фрегата: уйти от турок без боя не удастся. Капитан корабля, как требовал того «Морской устав», собрал военный совет, на котором было принято решение начать сражение, в ходе которого, свалившись на бордаж с одним из судов противника, взорвать «Рафаил». Но так первоначально решил совет офицеров. Однако следовало ещё получить согласие команды – матросов и унтер-офицеров. Командир корабля послал к команде своего старшего офицера, капитан-лейтенанта Киселёва, который, вернувшись, доложил: команда не желает погибать и просит фрегат сдать.

С этой минуты все дальнейшие действия зависели от командира корабля, в решении которого никто не сомневался. Офицеры и матросы подтянулись: ещё минута-другая, и поступит команда: «К бою!».

Когда со стороны приблизившегося турецкого флагмана донеслось: «Урус-шайтан, сдавайся! Паруса – убрать!», – команда корабля вздрогнула. Нет, не от турецкого гомона за бортом – на него матросы даже не обратили внимания. Все вздрогнули от другого – от приказа своего командира, вышедшего к матросам:

– Флаг спустить! Оружие сдать...

Ещё через какое-то время на борту русского фрегата уже сновали юркие турки, конвоировавшие пленных моряков на свой флагман.

– Будь проклят, гад! – не выдержал один из матросов. – На веки вечные опозорил нас, вашблагородие, до смерти не отмывься...

Тот, кому были обращены эти слова, молча стоял в стороне, бледный, как мел, не в силах произнести слова...

Вскоре турки пересадили пленных офицеров и матросов на свой флагманский корабль «Реал-бей». Но османы русских моряков не интересовали – их взоры были обращены в сторону красавца-фрегата. Когда на «Рафаиле» подняли турецкий флаг, из глаз многих текли слёзы...

* * *

Теперь подробнее о командире фрегата «Рафаил».

---

¹⁹ Линейный корабль (линкор) – до середины XIX века крупный трёхмачтовый боевой корабль с 2–3 палубами (деками), имевший по бортам сильную артиллерию (от 60 до 130 орудий) и до 800 человек личного состава. В боевом порядке линкоры следовали строго друг за другом, в линии баталии, не выходя из кильватерной струи (с чем и связано их название). Впервые появились в Англии в 1637 году. Фрегат – до середины XIX века трёхмачтовый парусный корабль, предназначенный для крейсерской и разведывательной службы, с мощным артиллерийским вооружением (до 60 пушек) для действий на морских коммуникациях. Корвет – трёхмачтовый военный корабль с прямым парусным вооружением, имевший на вооружении 18–30 орудий малого и среднего калибра, размещенных только на верхней палубе (открыто), и используемый для разведывательной и посыльной службы. В Англии долгое время (до 1830-х гг.) подобные лёгкие корабли называли шлюпами. Бриг – двухмачтовое судно, предназначенное для крейсерской и посыльной службы, имеющее от 6 до 24 орудий, с прямым парусным вооружением фок-мачты и грот-мачты, но с одним косым (гафельным) парусом на гроте.

Офицера, без боя сдавшего военный корабль неприятелю (беспрецедентный в истории российского флота случай!) звали *Семён Михайлович Стройников (1780–1838?)*, 49 лет, капитан 2-го ранга.

Странно, изучая послужной список этого морского офицера, не устаёшь удивляться: как **такое** мог учудить человек, который верность Отчизне доказал своей безупречной 25-летней военной службой на флоте?

Черноморский кадетский корпус (Николаевское штурманское училище); 1802 г. – гардемарин. Через два года – мичман; служил на Корфу; принимал участие в русско-турецкой войне 1806–1812 гг. 10 марта 1807 года мичман Стройников участвовал в бою при взятии острова Тенедос десантом русской эскадры под командованием адмирала Сенявина. За эту операцию он был награждён орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом.

1 марта 1810 года Стройникова производят в лейтенанты флота. С 1811 года – служба на Чёрном море на различных кораблях. Бригантина «Сухум» – первое морское судно, которым Стройников самостоятельно командует в течение двух лет (с 1814 по 1816 гг.). В 1819 году был награждён орденом Святого Георгия 4-й степени за 18 морских кампаний. В 1820 году находился адъютантом при контр-адмирале Ф. Мессере в Севастополе.

28 мая 1821 года Стройников становится капитан-лейтенантом. С этого момента его карьера растёт, что называется, как на дрожжах: командир брандвахтенной канонерской лодки²⁰ № 13 у Керченского пролива; после короткого плавания на 110-пушечном линейном корабле «Император Франц» в 1824 году назначен командиром корвета «Або». А в 1825 году состоит смотрителем Керченского адмиралтейства и транспортной флотилии.

Ничего удивительного, что на следующий год Стройников становится командиром брига «Меркурий». И он старается. В сентябре 1827 года «за отличную дисциплину и за соблюдение отличной чистоты» на корабле капитан-лейтенант Стройников получает Благоволение от самого Государя Императора. Понимая, что впереди новые карьерные горизонты, Семёна Стройникова уже не удержать! Так, в 1828 году бриг «Меркурий» под его началом отличился при взятии крепостей Анапа и Суджук-Кале, пленив турецкое транспортное судно с тремястами десантниками на борту; тогда же было захвачено три вражеских знамени. 30 июня 1828 командира брига награждают орденом Святой Анны 2-й степени. Затем «Меркурий» неплохо проявил себя при осаде и штурме Варны.

Дальше – всё как по маслу: 1 января 1829 года Стройников произведут в капитаны 2-го ранга с назначением командиром 36-пушечного фрегата «Рафаил».

* * *

Судно «Рафаил» в предыдущих войнах уже сумело зарекомендовать себя исключительно с положительной стороны. Хотя то был старый «Рафаил», линейный корабль. А новый, фрегат, был заложен в Севастопольском адмиралтействе в апреле 1825 года и через три года, 8 мая 1828 года, спущен на воду, пополнив ряды Черноморского флота. Впрочем, суть от этого не меняется.

Так вот, в Афонском сражении (1807 г.) на борту «Рафаила» героически погиб командир корабля – капитан 1-го ранга Лукин. Дмитрий Александрович Лукин на Черноморском флоте слыл личностью поистине легендарной; многие из сослуживцев отзывались о нём, как о лихом удалце и человеке необыкновенной силы. Лукин без особого труда ломал подковы, одним пальцем вдавливал гвозди в борт судна, отрывал от палубы пушку в 7–8 пудов... Неслучайно моряки называли его «русским Геркулесом».

---

²⁰ Сторожевое судно в порту.

Интересные воспоминания о Лукине оставил его современник – публицист и литературный критик Николай Селивановский: *«Около пяти лет батюшка был в Николаеве, где подружился со многими флотскими и, между прочим, с силачом Лукиным, бывшим капитаном корабля. Он жил бедно, кучер его Илья, впоследствии бывший у императора Александра, тоже был силен. Бывало, у Лукина гости, Илья привозит бочку воды сорок ведер (около 480 килограммов только одной воды, не считая веса дубовой бочки) и вызовет барина составить; они двое снимут с телеги бочку и бережно опустят на землю».*

18 июня 1807 года «Рафаил» в паре с корветом «Сильный» атаковал турецкий 120-пушечный линейный корабль «Мессудие» («Величество Султана») под флагом капудан-паши Сеид-Али²¹. На них и сосредоточился огонь всей османской эскадры. Имея сбитые паруса, «Рафаил» прорезал строй турок между кораблями «Мессудие» и «Седель-Бахри» (флаг капитан-бея Бекир-бея), ведя огонь с обоих бортов. «Сильный» и другие корабли, поддержав атаку, легли на курс, параллельный курсу противника. А колонна под командой Сенявина атаковала авангард противника: русский флагманский корабль «Твердый» повредил головной фрегат турок, а затем, ударив по следующему в линии кораблю, заставил и его лечь в дрейф. Одолеть остановившуюся колонну противника для адмирала Сенявина не составило труда. Лишившись почти трети эскадры, турки были вынуждены ретироваться. Русская эскадра не потеряла ни одного корабля. Однако во время сражения погибло 78 русских моряков, большинство – из экипажа «Рафаила».

Когда корабль атаковали два турецких судна, Лукин приказал:

– Абордажных – наверх!

Заметив, что сбит кормовой флаг, Лукин, взбежав по трапу, крикнул:

– Мичман Панафидин, сейчас же поднять флаг...

То были последние слова командира: турецкое ядро разорвало Лукина пополам...

О последних минутах капитана 1-го ранга Дмитрия Александровича Лукина мичман Панафидин вспоминал:

«...В исходе 10-го часа капитан позвал меня и велел, чтобы поднять кормовой флаг, который казался сбитым; он стоял на лестнице для восхода на ванты и вполнину открытый; брат Захар, его адъютант, был также послан. Исполнив приказание, я шёл отдать ему отчёт, но он уже лежал распростёртым на левой стороне иканицы: в моё отсутствие ядро разорвало его пополам и кровью облило брата и барабанищика. Благодаря Бога, брат не был ранен. Кортик, перешибленный пополам, лежал подле его; я взял оружие, принадлежавшее храбрейшему офицеру, и сохранию, как залог моего к нему уважения. Тело его перенесли в собственную его каюту...»⁴

К слову, первым командиром нового фрегата «Рафаил» был Фёдор Юрьев. Командуя «Рафаилом», он участвовал во взятии крепости Варны, за что был пожалован золотой саблей с надписью «За храбрость»; отличился в операции под Инадой и был награждён орденом Св. Анны 2-й степени. За сожжение турецкого корабля под Пендераклией командир «Рафаила» получил императорскую корону к ордену Св. Анны. После того как Юрьев был назначен командовать линейным кораблём «Чесма», фрегат «Рафаил» возглавил Семён Стройников²².

Такие вот люди воевали на овечьем славы «Рафаиле». И не только воевали, но и погибли, защищая честь Андреевского флага.

²¹ Капудан-паша – титул главнокомандующего флотом Османской империи; высший чин на флоте.

²² 30 августа 1848 года Фёдор Афанасьевич Юрьев (1783–1856) будет произведён в вице-адмиралы, а 1 июня 1853 года станет членом Адмиралтейств-совета.

* * *

Но вернёмся к послужному списку флотского офицера С. Стройникова.

Прекрасная военная карьера Стройникова, если судить по его отличному послужному списку, в полной мере получила развитие во время его службы в рядах Черноморского флота, куда он был переведён в 1811 году.

Теперь внимание: именно в этот период на Черноморском флоте в очередной раз (до этого он уже служил здесь) появляется капитан 1-го ранга Фома Мессер, назначенный командиром 110-пушечного корабля «Полтава». Где и как познакомились эти двое, история умалчивает; зато известно другое: вскоре Стройников предлагает руку и сердце дочери Мессера – Елизавете Фоминичне. К предложению привлекательного и подающему надежды офицера Мессеры отнесутся благосклонно; в 1813 году у молодой четы родится старший из сыновей – Николай.

В 1816 году Фома Фомич Мессер будет произведён в контр-адмиралы; в 1820 году Стройников служит адъютантом при своём ближайшем родственнике в Севастополе. При всём уважении к памяти адмирала Мессера, налицо протекционизм.

И это вполне объяснимо. После русско-турецкой войны 1806–1812 гг. российский флот переполнен молодыми и талантливыми морскими офицерами, отличившимися в долгой военной кампании. Их не один-два, и даже не десятки – этих офицеров сотни! А боевых кораблей на том же Черноморском флоте – от силы 60–70, пусть 100 с учётом подсобных судёнышек. Попробуй выбиться в командиры одного из них, когда конкурс как минимум один к десяти-двадцати.

Но когда адъютантом при влиятельном тесте, тогда решение подобного вопроса упрощается в разы. Для начала – повышение в звании: в мае 1821 года Стройников становится капитан-лейтенантом. Затем его назначают командиром брандвахтенной канонерки № 13, а с 1823 года – корвета «Або». Но этого для будущего *адмирала* (вне всякого сомнения, у зятя с тестем адмиральское звание уже в планах!) явно маловато. А потому в 1825 году будущий адмирал, дабы соответствовать, назначается смотрителем Керченского адмиралтейства и транспортной флотилии, то есть фактически влиятельным начальником.

Смотрим дальше. В 1826 году Фома Мессер становится вице-адмиралом и с какого-то времени занимает должность командира Севастопольского порта; Семён Стройников – получает под командование бриг «Меркурий».

А впереди – новая война, очередная русско-турецкая. Война для Стройникова – трамплин к адмиральскому Олимпу. Уже в начале кампании бриг «Меркурий» зарекомендовал себя одним из лучших кораблей.

Из дневника вице-адмирала Василия Ивановича Мелихова²³:

«9-е число (мая) 1828 г. В 9 часов прибыли брига «Ганимед» и «Меркурий» с двумя, взятыми ими неприятельскими судами, на которых находилось: бимбашей 2, билимбашей 4, бай-

---

²³ Мелихов, Василий Иванович (1794–1863) – вице-адмирал, член Государственного совета Российской империи. На Черноморском флоте с 1811 года; в 1817 году был назначен флаг-офицером к вице-адмиралу Грейгу, высоко оценившему его административные способности. В 1826–1830 гг. состоял в должности начальника штаба главного командира Черноморского флота. Позже из-за разногласий с адмиралом Грейгом Мелихову пришлось уйти из Черноморского флота; был принят на должность начальника морского штаба князя А. Меншикова. С декабря 1840 года – вице-адмирал. За отличие при взятии Варны 30 сентября 1828 года был награждён орденом Святого Владимира 3-й степени. Впервые воспоминания адмирала Мелихова были опубликованы в нескольких номерах журнала «Морской сборник» за 1850 г.

рактаров 7, чаушей 3 и нижних чинов 623 человека²⁴. Все эти пленные, следовавшие в подкрепление гарнизона Анапского, взяты с оружием и 6 знамёнами...»⁵

За свой подвиг командир «Меркурия» (Стройников) получает орден Святой Анны 2-й степени. Неплохо для начала. Осталось последнее – стать героем, проявив себя в настоящем сражении. Но в морском сражении можно выиграть, лишь командуя не канонеркой или бригом, а хотя бы фрегатом. И Стройников получает этот фрегат, да не абы какой, а «Рафаил»!

После утверждения Главным морским штабом решения относительно Варны вице-адмирал Мессер назначается командиром отдельной эскадры по осаде этой крепости. Фрегат «Рафаил» включается в состав эскадры. Правда, Стройников у руля нового корабля лишь с начала 1829 года. В середине февраля русские корабли у крепости Сизополь высаживают десант; все трофеи павшей крепости доверены Стройникову. В марте «Рафаил» обстреливал крепость Ахиолло, где *«командуя фрегатом “Рафаил”, Стройников действовал мужественно, заняв позицию, в которой подвергался огню всех неприятельских батарей»*. Результат: один убитый и четверо раненых; 13 пробоин в корпусе. Корабль был вынужден уйти в Севастополь для ремонта. В мае – участие в обстреле крепости Агатополь...

11 февраля 1829 года умирает вице-адмирал Фома Фомич Мессер. Явно не по возрасту, в 64 года. Находясь при осаде Варны, адмирал отличился в присутствии Императора, и в октябре 1828 года был награждён орденом Св. Владимира 2-й степени. Во время войны позиции Мессера заметно окрепли. Что явилось причиной скоропостижной смерти – можно только догадываться. Ходили слухи, что незадолго до кончины Фомы Фомича в личной жизни его дочери, Елизаветы Фоминичны, произошли серьёзные перемены: в семье Стройникова дело шло к разводу. Удачная карьера зятя, по-видимому, окончательно вскружила тому голову. Хотя, как докладывали адмиралу, не обошлось без женщины – разбитной вдовы морского офицера Вознесенской, в дом которой, уже не стыдясь чужих глаз, зачастил офицер.

Впрочем, самому Семёну Михайловичу, казалось, было всё нипочём. Теперь он уже мог обойтись и без влиятельной протекции своего тестя. Дело оставалось за малым – совершить подвиг! А дальше... Дальше – адмиральский Олимп.

* * *

С подвигом не получилось. Потому как *умирать*, пусть даже и в славном бою, в долгосрочные планы капитана 2-го ранга Стройникова никак не входило. Умереть – значит, прервать свой долгий путь к намеченной цели, где витые золотом адмиральские эполеты, великосветские балы и поклонение врагов и завистников. Лишь *выжив*, можно было продолжить начатое. Если, конечно, удастся оправдаться. Именно это – *оправдаться* — и попытается после случившегося командир-трус.

Из рапорта на имя Главного командира Черноморского флота и портов адмирала Грейга командира фрегата «Рафаил» Стройникова:

«Фрегат «Рафаил» снялся с Сизопольского рейда утром 10 мая... В 11 часов пополудни ветер установился и тогда были поставлены все паруса и взят курс на Амасеру; этим курсом шли до 5 часов вечера 11 числа... 12 числа, на рассвете, находясь, по счислению, в 45 милях от ближайшего Анатолийского берега усмотрели на Н, в расстоянии около 5 миль, сначала одно, а потом несколько судов; вскоре открылось, что то был авангард турецкого флота, состоявший из 3 кораблей, 2 фрегатов и 1 корвета, которые шли полным ветром под зарифленными

²⁴ «...Бимбашей 2, билимбашей 4, байрактаров 7, чаушей 3» – перечисление званий турецких пленников. Вообще, «бимбаш» (от тур. bing – тысяча, и basch – голова) означает начальник над тысячей солдатами – турецкий командир батальона (эскадрона), полковник; байрактар – знаменосец; чавуш – старший унтер-офицер (сержант).

марселями... Спустия немного усмотрены... в расстоянии 6,5 миль, еще 3 корабля, 5 корветов и 2 брига. В 5 часов суда, составлявшие авангард турецкого флота, поставили все паруса и устремились за фрегатом; в 8 часов ветер сделался тише, но волнение не уменьшилось; в это время авангард неприятеля начал спускаться на пересечку фрегата, который, чтобы не быть окруженным и в намерении продлить время до ночи, переменял курсы, смотря по надобности; последний был SW. Неприятель, имея превосходный ход, при постепенно затихавшем ветре заметно приближался. В 11 часов был составлен совет из всех офицеров, которые положили обороняться до последней крайности и, в случае нужды, приблизиться к неприятелю и взорвать фрегат; но нижние чины, узнав о намерении офицеров, объявили, что сжечь фрегат не позволят. До 2 часов пополудни «Рафаил» имел ходу около 2,5 узлов; сделавшийся же в это время штиль и продолжающаяся зыбь, лишили... последних способов к защищению и нанесению вреда неприятелю. В исходе 4 часа авангард неприятеля пересек все направления и окружил «Рафаил»: два корабля шли прямо на него, правее их находился 110-пушечный корабль и фрегат, а с левой стороны – фрегат и корвет; остальная часть турецкого флота была назади в расстоянии около 5 кабельтовых; ходу было не более одной четверти узла. Вскоре один из кораблей, подняв флаг, начал палить, и след засим надобно было ожидать нападения и от прочих; ко всему этому большая часть команды от качки не могла быть при своих местах. Тогда, видя себя окруженным неприятельским флотом, и, будучи в столь гибельном положении, он, Стройников, не мог предпринять никаких мер, как только послать парламентаров на ближайший адмиральский корабль с предложением сдать фрегат с тем, чтобы команда в непродолжительном времени была возвращена в Россию. Вследствие такого намерения, приказав поднять переговорный флаг, отправил парламентарями капитан-лейтенанта Киселева и морской артиллерии унтер-офицера Панкевича; задержав их, турки прислали своих чиновников, которые, объявив согласие адмирала на предложение его, Стройникова, изъявили желание, чтобы он со всеми офицерами отправился на адмиральский корабль, что и было исполнено; на фрегате остался с командою только один мичман Измайлов»⁶.

Как видим, рапорт Стройникова – не что иное, как попытка оправдаться. И выгородить себя, любимого. Ведь во всём виноват... экипаж, с которым до этого денно и нощно ходил в дозоры и даже под турецкие ядра. Все эти матросы – «подлые мужики», которые, надо понимать, о долге перед Отечеством и перед царём-батюшкой ничегошеньки не ведают. А потому и заартачились. Ох уж эти «нижние чины»!

А что до офицеров и самого командира – всё сделали по Уставу: сигнальные книги, секретные документы, инструкции и прочие бумаги заблаговременно сбросили за борт. Так что, выходит, вины как таковой никакой нет: и людей спасли, и «секретку» уничтожили. Бывает, уж извините, так получилось. Ведь кровь людская – не водица...

Этот рапорт Семён Стройников напишет позже, когда он сам и его команда будут находиться в турецком плену. Но до этого капитану 2-го ранга Российского Императорского флота придётся пережить ещё одно – возможно, самое сильное потрясение в своей жизни: на его глазах будет отчаянно биться с превосходящим противником маленький бриг. Бриг «Меркурий»²⁵. Да-да, ещё вчера – его! И выйдет из боя победителем!

Именно в тот день морской офицер Стройников понял, что навсегда потерял самое дорогое, что у него было: свою честь...

²⁵ Бриг «Меркурий» был на самом деле маленьким: водоизмещение 390 т, длина 29,46 м, ширина с обшивкой около 10 м, высота борта 4,11 м. Имея всего две мачты – фок и грот, – и 18 карронад (ещё 2 переносные пушки), численность его экипажа составляла 115 человек: 5 офицеров, 5 квартирмейстеров, 24 матросов 1-й статьи, 12 матросов 2-й статьи, 43 старших юнг, 2 барабанщика, 1 флейтист, 9 бомбардиров и канониров и 14 прочих (плотников, конопатчиков, коков). В тот день на бриге «Меркурий» находилось всего 5 офицеров и 109 матросов разного ранга; кроме них на борту присутствовали крепостной мичмана Притупова некто Пётр Данилов и переводчик – севастополец Фёдор Папнуто.

* * *

Из дневника адмирала Мелихова:

«15-е число (мая) 1829 г. В 5 часов показался бриг «Меркурий», соединившийся с флотом. Наружный вид брига свидетельствовал об ужасном бое, им выдержанном...»

20-е число. В 9 ½ часов пополудни командир брига «Ганимед», прибывшего от пролива, доставил главному командиру депешу датского министра при Порте Оттоманской барона Гибша, полученную с австрийского купеческого судна, следовавшего из Константинополя в Одессу с разменными нашими пленными. Барон Гибш уведомлял адмирала о взятии турецким флотом, у Пендараклии, фрегата «Рафаил». Это неприятное известие подтверждено и командиром брига, слышавшим о том от офицеров наших, возвращавшихся из плена...»⁷

Рапорт капитан-лейтенанта Казарского лёг на стол командующего через день после совершённого им и его командой подвига; с рапортом же Стройникова и двух его офицеров (капитан-лейтенанта Киселёва и поручика корпуса флотских штурманов Полякова) командующий Черноморским флотом адмирал Грейг ознакомится несколько позже²⁶.

Сравнивая два рапорта на имя главного командира Черноморского флота адмирала Грейга – Александра Казарского и Семёна Стройникова, – даже человеку, ничего не смыслящему в морском деле, бросается в глаза явное различие отношения командиров к происходящему.

Казарский: *«...110-пушечный корабль начал спускаться, чтобы занять у меня правую сторону и, может быть, имел намерение сделать залп вдоль брига, но я избежал этого, опустившись к N, и ещё около получаса терпел только от одних погонных пушек, но после был уже поставлен между двух кораблей. Сделав по мне два залпа, со стопушечного корабля начали кричать, чтобы бриг сдался и убрал паруса. Но как им отвечали на это всею артиллериею, ружьями и крикнутым «Ура», то оба корабля, сдавшись несколько за корму, продолжали беспрестанный огонь до 4-х часов, поражая ядрами, кншпелями, картечами и брандскугелями... Во всё продолжение сражения я только мог... уклоняясь несколько бортами к кораблям, смотря по положению их, и воспользовавшись неисккусным маневром 74-пушечного корабля, заставил их держаться за мною на NW...»*

Стройников: *«...В 11 часов был составлен совет из всех офицеров, которые положили обороняться до последней крайности и, в случае нужды, приблизиться к неприятелю и взорвать фрегат; но нижние чины, узнав о намерении офицеров, объявили, что сжечь фрегат не позволят... Сделавшийся... штиль и продолжающаяся зыбь, лишили... последних способов к защищению и нанесению вреда неприятелю. В исходе 4 часа авангард неприятеля пересек все направления и окружил «Рафаил»: два корабля шли прямо на него, правее их находился 110-пушечный корабль и фрегат, а с левой стороны – фрегат и корвет; остальная часть турецкого флота была назади в расстоянии около 5 кабельтовых; ходу было не более одной четверти узла. Вскоре один из кораблей, подняв флаг, начал палить, и след засим надобно было ожидать нападения и от прочих; ко всему этому большая часть команды от качки не могла быть при своих местах. Тогда, видя себя окруженным неприятельским флотом, и, будучи в столь гибельном положении, он, Стройников, не мог предпринять никаких мер, как только послать парламентеров на ближайший адмиральский корабль с предложением сдать фрегат с тем, чтобы команда в непродолжительном времени была возвращена в Россию...»*

---

²⁶ В Турции российские интересы представлял датский посол барон Гибш; он же переправил в Россию рапорта Стройникова и его офицеров.

Два рапорта морских офицеров своему командующему. Оба плавали на одном флоте, уже нюхавшие порох и повидавшие кровь, проявили себя в боях. Но как написанное в этих рапортах отличается друг от друга! Налицо – героизм Казарского; и растерянность, смешанная с трусостью, Стройникова. Один пишет о том, как сражался; другой, обвиняя матросов, пытается оправдать своё *преступление*. Вот и всё отличие.

Хотя для адмирала Грейга всё было понятно с самого начала. Именно об этом – о героической стойкости капитан-лейтенанта Казарского (к слову, во время сражения получившего контузию головы) и о трусливой сдаче фрегата капитаном 2-го ранга Стройниковым, – адмирал письменно изложит в своём докладе на имя императора Николая I. Оставалось ждать Высочайшего волеизъявления...

* * *

Подвигом «Меркурия» были восхищены даже турецкие моряки. Так, один из штурманов османского «Реал-бея» позже вспоминал:

«...Русский флот, состоящий из 14 судов между которыми были шесть линейных кораблей, много потерпел от огня батарей, как узнали мы от коменданта крепости. Мы пошли снова к проливу, и 25 взяли один 36-пушечный фрегат, который спустил флаг при нашем приближении. Капитан того фрегата оставался до вчерашнего дня на нашем судне; он украшен многими орденами и очень хорошо объясняется на итальянском языке, имя его Семён Михайлович, а фрегат называется «Рафаил». Во вторник, с рассветом, приближаясь к Босфору, мы заметили три русских судна: фрегат и два брига; мы погнались за ними, но только догнать могли один бриг в три часа пополудни. Корабль капитан-паши и наш открыли тогда сильный огонь. Дело неслыханное и невероятное. Мы не могли заставить его сдаться, он дрался, ретируясь и маневрируя со всем искусством опытного военного капитана, до того, что, стыдно сказать, мы прекратили сражение, и он со славою продолжал свой путь. Бриг сей должен потерять, без сомнения, половину своей команды, потому что один раз он был от нашего корабля на пушечный выстрел, и он, конечно, еще более был бы поврежден, если бы капитан-паша не прекратил огня часом ранее нас, и сигналом не приказал бы нам то же сделать. В продолжение сражения командир русского фрегата говорил мне, что капитан сего брига никогда не сдастся и если он потеряет всю надежду, то тогда взорвет бриг свой на воздух. Ежели в великих деяниях древних и наших времен находятся подвиги храбрости, то сей поступок должен все оные помрачить, и имя сего героя достойно быть начертано золотыми литерами на храме Славы: Он называется капитан-лейтенант Казарский, а бриг – «Меркурий». С 20 пушками, не более, он дрался против 220 в виду неприятельского флота бывшего у него на ветре»⁸.

А вот что в те дни писала газета «Одесский вестник»: *«Подвиг сей таков, что не находится другого ему подобного в истории мореплавания; он столь удивителен, что едва можно оному поверить. Мужество, неустрашимость и самоотвержение, оказанные при сём командиром и экипажем «Меркурия», славнее тысячи побед обыкновенных»⁹.*

Напомню, находясь в турецком плену, капитан 2-го ранга Стройников пережил серьёзное испытание: сражение брига «Меркурия» происходило буквально на его глазах! (И это полностью подтверждают воспоминания турецкого моряка.) Пока его вчерашний сотоварищ бился насмерть с противником, этот карьерист, который *«украшен многими орденами и очень хорошо объясняется на итальянском языке»*, спокойно беседовал с турками, давая относительно боя свои комментарии! Остаётся надеяться, что Стройников в тот день (хотя бы!) не указывал османам наиболее слабые стороны русского судна, которым ещё вчера... командовал сам.

Обиднее всего было то, что в составе турецкой эскадры, наблюдавшей за ходом боя флагманов с русским бригам, находился один *особенный* корабль – турецкий фрегат «Фазли-Аллах» («Дарованный Аллахом»). Тот самый «Рафаил», пополнивший ряды врага...²⁷

Ближе к окончанию войны, когда дело дошло до обмена пленными, стали обменивать и моряков. В турецком плену из экипажа фрегата «Рафаил» удалось выжить лишь трети.

Адмирал Мелихов: *«27-е число (июля). В 5 ½ часов на прибывшем из Константинополя австрийском купеческом судне доставлены: бывший командир фрегата «Рафаил» капитан 2 ранга Стройников, 3 обер-офицера и 28 человек нижних чинов... В 10 ½ часов прибыло из Константинополя французское купеческое судно с остальной частью экипажа фрегата «Рафаил»...»*¹⁰

В Николаев освобождённых пленников с «Рафаила» доставит бриг «Меркурий» с Казарским во главе. Как чувствовал себя в это время офицер-трус Стройников, можно только догадываться...

Достоверно известно, что, когда о возвращении Стройникова было доложено императору Николаю, тот в гневе на рапорте написал: *«Разжаловать! В рядовые! Без срока службы!»*. Говорят, от себя ещё добавил:

– Без права женитьбы! Дабы не плодить в русском флоте трусов!²⁸

* * *

За своё *шудство* Семёну Стройникову пришлось отвечать по полной.

Гнев императора Николая по поводу позорной сдачи во время боевых действий русского фрегата был велик. Вскоре Главному командиру Черноморского флота был доставлен Высочайший указ (от 4 июня 1829 года): *«Уповая на помощь Всевышнего, пребываю в надежде, что неустрашимый флот Черноморский, горя желанием смыть бесславие фрегата «Рафаил», не оставит его в руках неприятеля. Но когда он будет возвращен во власть нашу, то, почитая фрегат сей впредь недостойным носить флаг Русский и служить наряду с прочими судами нашего флота, повелеваю вам предать оный огню»*²⁹.

В том же Высочайшем указе император, помимо прочего, писал адмиралу Грейгу: *«... Разделяя справедливое негодование, внушенное без сомнения всему Черноморскому флоту поступками, столь недостойными оного, повелеваю вам учредить немедленно комиссию, под личным председательством вашим, для разбора изложенных Стройниковым обстоятельств, побудивших его к сдаче фрегата. Заключение, которое комиссией сделано будет, вы имеете представить на Мое усмотрение»*.¹¹

После получения из Константинополя рапортов от командира «Рафаила» и его офицеров, присланных, как уже говорилось, через посредника, адмирал Грейг приказывает учредить комиссию под своим председательством (куда вошли флагманы флота, начальник штаба флота и командиры кораблей) для разбора обстоятельств, изложенных в рапортах пленников.

Решение комиссии оказалось бескомпромиссным:

---

²⁷ То была своего рода негласная традиция: при пленении вражеского корабля он ставился в строй с изменённым названием. Так, во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. капитан-лейтенант П. С. Нахимов (будущий адмирал и герой обороны Севастополя в Крымскую войну) командовал корветом «Наварин» – трофейным турецким кораблём, ранее называвшемся «Нессабиз Савах».

²⁸ Позорный поступок отца пытались смыть его сыновья – Николай и Александр. После окончания Морского кадетского корпуса они достойно служили на флоте, участвовали в обороне Севастополя в Крымскую войну и оба стали контр-адмиралами.

²⁹ Возмездие для «Рафаила» наступит в 1853 году, когда в Синопском сражении русские линкоры «Императрица Мария» и «Париж», обратив свои орудия против фрегата «Фазли-Аллах», в ходе боя практически полностью его уничтожат.

«1. Фрегат сдан неприятелю без сопротивления.

2. Хотя офицеры и положили драться до последней капли крови и потом взорвать фрегат, но ничего этого не исполнили.

3. Нижние чины, узнав о намерении офицеров взорвать фрегат, объявили, что не допустят сжечь его, впрочем, и они не приняли никаких мер для побуждения своего командира к защите»¹².

Из выводов же морской комиссии следовало, что «...каковы бы ни были обстоятельства, предшествовавшие сдаче, экипаж фрегата должен подлежать действию законов, изобранных: Морского устава, книги 3, главы 1, в артикуле 90 и книги 5, главы 10, в артикуле 73...»

Достаточно сказать, что артикул 90 Морского устава Петра Великого гласит: «В случае боя, должен капитан или командующий кораблем, не только сам мужественно против неприятеля биться, но и людей к тому словами, а паче дая образ собою побуждать, дабы мужественно бились до последней возможности и не должен корабля неприятелю отдать, ни в каком случае, под потеряннем живота и чести».

Толковался 90 артикул следующим образом: «Однако ж, ежели следующие нужды случатся, тогда, за подписанием консилиума от всех обер- и унтер-офицеров, для сохранения людей можно корабль отдать: 1. Ежели так пробит будет, что помпами одолеть лекажи или теки невозможно. 2. Ежели пороху и амуниции весьма ничего не станет. Однако ж, ежели она издержана прямо, а не на ветер стреляно для нарочной траты. 3. Ежели в обеих вышеописанных нуждах никакой мели близко не случится, где б корабль простреля, можно на мель опустить».

В случае же сдачи корабля без веских на то оснований применялся артикул 73: «Буде же офицеры, матросы и солдаты без всякой причины допустят командира своего корабль сдать, или из линии боевой уйти без всякой причины, и ему от того не отсоветуют, или в том его не удержат, тогда офицеры казнены будут смертию, а прочие с жеребья десятый повешены».

Как видим, «прорубатель окна в Европу» (я о Петре Великом) в законах разбирался: сдал корабль врагу – на рею! Сурово – но справедливо. И по всему выходило, что по возвращении Стройникова и его экипажа из турецкого плена всех следовало повесить. Всё по уставу. Как завещал навеки вечные приснопамятный Пётр Алексеевич.

И всё же Грейг был тёртым калачом – не зря на столь высокой должности задержался не на год – почти на два десятка лет, что, согласитесь, не каждый выдюжит. Седовласый адмирал прекрасно понимает: преступление Стройникова тёмным пятном – да что там – грязной кляксой! – ляжет на овеянном славой белоснежно-голубом Андреевском флаге. В этот момент командующий флотом делает решительный шаг, попытавшись ситуацию несколько сгладить.

«...Стихнувший ветер отнял средства уйти от неприятеля, – пишет он Государю Императору. – Показание командира, что многие из нижних чинов не могли быть при своих местах по причине качки, заслуживает внимания потому, что в числе 216 человек, состоявших на фрегате, было 129 рекрутов»¹³.

Смело. Многие исследователи за это письмо императору будут попрекать адмирала Грейга: дескать, командующего флотом и кавторанга Стройникова связывали не только служебные отношения, но и нечто личное. Например, принадлежность командира «Рафаила» к ближайшему окружению супруги Грейга – Юлии Михайловны³⁰, – которая, как поговаривали, «вертела мужем как хотела». Может, и «вертела». Но только мужем, но никак не всем Черноморским флотом, как иногда заносит уверяющих в этом «исследователей». Хотя, конечно, Стройников, несомненно, был вхож в круги «блистательной Юлии» – как-никак являлся зятем адмирала Мессера, с которым тоже приходилось считаться.

³⁰ Настоящее имя жены адмирала Грейга было Лия Моисеевна Витман (Сталинская).

Спорно. Адмирал Грейг был умнейшим и талантливейшим адмиралом Российского флота. Поэтому бесспорно другое: Грейг из-за малодушия своего подчинённого сам оказался в довольно непростой ситуации. Имея врагов больше, чем друзей, он в любой момент мог поплатиться за столь громкий позор адмиральской должностью. И если бы не подвиг капитан-лейтенанта Казарского и его отважного экипажа, вряд ли император простил бы командующему такую оплеуху.

Неправы «исследователи» и в другом: Алексей Самуилович Грейг обладал поистине железным характером. Впрочем, иначе и быть не могло.

«В турецкую кампанию Менишиков нажил себе двух опасных врагов, – вспоминал бывший секретарь канцелярии Главного морского штаба Константин Фишер. – Перед отъездом к Анапе он был назначен начальником Главного морского штаба и, кажется, произведен в вице-адмиралы, а, может быть, только еще переименован в контр-адмиралы, – не помню; знаю только, что Грейг был чином выше. В Николаеве вышел спор: Грейг хотел действовать флотом самостоятельно или быть в распоряжении главнокомандующего войсками, Менишиков же требовал, чтобы флот состоял в его распоряжении для действий против восточных черноморских турецких крепостей. Последний опирался на то, что он начальник Главного штаба, а Грейг утверждал, что флагман, старший чином, не может подчиняться начальнику штаба, администратору, младшему. Тогда князь объявил ему официальное высочайшее повеление, и гордый Грейг не мог не уступить, но не мог и простить ему своего унижения, тем более что его разжигали окружающие его интриганы...»¹⁴

Что-то не проглядывается сквозь строки воспоминаний «мягкий и уступчивый» человек, каким пытаются представить адмирала Грейга. Алексей Самуилович был человеком цельным – проверенным в делах и войнах «винтиком» административной машины Империи.

* * *

Дознание и следствие по факту сдачи врагу без сопротивления боевого корабля выявили вопиющие подробности случившегося.

Во-первых, как выяснилось, Стройников, действительно, оказался не только карьеристом, но и авантюристом. По всему выходило, что командир фрегата, выйдя в крейсерство из Сизополя, сам бросился в гущу турецких кораблей, взяв курс «вместо Трапезонда на Амасеру»; когда же русское судно оказалось окружённым неприятелем, дал слабину. Почему? Думаю, всё потому же – хотел совершить подвиг.

Во-вторых, как показал опрос личного состава «Рафаила», в том числе – матросов, – никакого сопротивления командиру корабля со стороны нижних чинов, как на том настаивал Стройников, оказано не было. Мало того, эти самые «нижние чины» во время столкновения с турецкой эскадрой находились на своих местах (а не «страдали качкой») и, ожидая команды, были готовы к сражению. Когда же на бак явился старший офицер Киселёв и заговорил о бесполезности сопротивления (и так несколько раз!), некоторые из матросов (в частности – боцман Иванов и квартирмейстер Бирючек) резко возражали:

– Лучше открыть огонь! – возмущались они. – Кто знает, может, и удастся уйти от неприятеля...

Кроме того, против сдачи фрегата выступал один из офицеров – унтер-офицер Панкевич, считавший, что отдавать корабль без боя недопустимо! Но его и слушать не стали.

Из приговора военного суда:

«...Капитана 2-го ранга Стройникова за отступление от данной ему инструкции взятием курса вместо Трапезонда на Амасеру, что подвергло его встрече с неприятельским флотом; за несообразное с законами собиране консилиума, причем нерешительностью своєю

вовлек в такую же нерешительность и всех подчиненных ему офицеров, а паче молодых и неопытных; за неправильное донесение о сопротивлении нижних чинов и, что многие из них по причине качки не находились при своих местах и наконец, за сдачу фрегата без боя – казнить смертью.

Офицеров за невоспрепятствование, по содержанию артикула 73, сдаче фрегата – казнить смертью.

Нижних чинов, за исключением находившихся в кюйт-камерах, трюме и на кубрике, за неприятие мер, по силе того же артикула – казнить смертью по эсребшо десятого»¹⁵.

А вот рескрипт императора Николая I:

«Лейтенанта Броуна, мичмана Вердемана³¹, лекаря Дорогоневского, шкиперского помощника Цыганкова и всех нижних чинов – простить. Стройникова, лишив чинов, орденов и дворянского достоинства, сослать в Бобруйск в арестантские роты; прочих офицеров разжаловать в рядовые до выслуги».¹⁶

Вот так к своим подчинённым относились во времена Романовых – даже «кровавый» деспот «Николай-Палкин»³². Без вины уж точно не вешали. А струсившему Стойникову & К крупно повезло. Хотя – вряд ли: не лучше ли было погибнуть в открытом бою «за Веру, Царя и Отечество»?..

И последний штрих к этой постыдной истории. Один из фигурантов уголовного дела – старший офицер фрегата Киселёв – до суда не дожил, умерев прямо в камере. Людская молва доносила: Киселёв (читай – «подельник» Стройникова) повесился.

Как помнится, то же самое сделал один из евангельских апостолов после того, как предал Христа. Напоминать его имя, думаю, будет излишним...

* * *

Но вернёмся к подвигу. Капитан-лейтенант Александр Казарский в Российской империи стал подлинным героем. Подвигом русских моряков восхищались даже в Европе.

4 июля 1829 года вышел приказ Главного командира Черноморского флота:

«В воздаяние блистательного подвига брига «Меркурий», вышедшего победителем из беспримерного боя 14 мая, им выдержанного против двух турецких кораблей, Государь Император всемилостивейше пожаловать соизволил: командира капитан-лейтенанта Казарского в капитаны 2-го ранга, и сверх того кавалером ордена Св. Георгия 4-го класса; лейтенантов Скорятина и Новосильского, мичмана Притулова и поручика корпуса флотских штурманов Прокофьева следующими чинами, и первых орденами Св. Владимира 4-й степени, а Прокофьева, как предложившего мужественный совет взорвать бриг, орденом Св. Георгия 4-го класса. Всем нижним чинам знаки отличия Военного Ордена. Всем вообще, как офицерам, так и нижним чинам, в пожизненный пенсион двойной оклад жалованья по окладу, какой они получали до настоящего времени. Вместе с тем Его Императорское Величество соизволил отличить и сам бриг, пожалованием на оный Георгиевского флага. А дабы увековечить в роде сих офицеров памятью примерной их храбрости и мужественной решимости на очевидную гибель, Государь Император соизволил повелеть, чтобы пистолет, как оружие избранное ими для взорвания на воздух при невозможности продолжать оборону, был внесен в гербы их».

---

³¹ Лейтенант Броун во время плавания фрегата находился на его борту, но был болен; мичман Вердеман при приближении турецких кораблей стоял у бочонков с порохом в кюйт-камере. Этих двоих адмирал Грейг предлагал наказать всего лишь гауптвахтой.

³² Прозвищем «Николай Палкин» российского императора Николая I за его жёсткое отношение с подчинёнными наделили его младший брат Михаил Павлович.

В своём признании подвига Государь пошёл ещё дальше, назначив капитана 2-го ранга Александра Казарского флигель-адъютантом.

29 июля 1829 года состоялся Высочайший указ на имя морского министра:

«32-го флотского экипажа 18-пушечному бригу «Меркурий», за славные подвиги с двумя неприятельскими кораблями, дарован флаг с знаменем св. великомученика и победоносца Георгия. Мы желаем, дабы память беспримерного дела сего сохранилась до позднейших времен, вследствие сего повелеваем вам распорядиться: когда бриг сей будет приходить в неспособность продолжать более служение на море, построить по одному с ним чертежу и совершенным с ним сходством во всем другое такое же судно, наименовав его «Меркурий», приписав к тому же экипажу, на который перенести и пожалованный флаг с вымпелом; когда же и сие судно станет приходить в ветхость, заменить его новым, по тому же чертежу построенным, продолжая сие таким образом до времен позднейших. Мы же желаем, дабы память знаменитых заслуг команды брига «Меркурий» и его никогда во флоте не исчезала, а, переходя в род на вечные времена, служила примером потомству».

Следует отметить, бриг «Меркурий» стал вторым из русских судов, получивший памятный Георгиевский флаг и вымпел (первым был 74-пушечный линейный корабль «Азов» (под командованием капитана 1-го ранга Михаила Лазарева), награждённый Георгиевским флагом 17 (29) декабря 1827 года за проявленные мужество и отвагу в достижении победы в Наваринском сражении)³³.

А ещё в честь подвига «Меркурия» в 1829 году была изготовлена бронзовая памятная медаль.

Это был Триумф. И не только командира корабля и его экипажа. Подвиг «Меркурия» явился триумфом всего русского флота. Другое дело, что у любого Триумфа есть свой Триумфатор. В 1829 году им оказался скромный флотский офицер Александр Казарский.

---

³³ Бриг «Меркурий» прослужил на Чёрном море до 9 ноября 1857 года, когда было принято решение его разобрать «по совершенной ветхости». Тем не менее овеянное славой имя в русском флоте было сохранено с передачей соответствующему кораблю кормового Георгиевского флага. Три корабля Черноморского флота поочередно носили название «Память Меркурия» – корвет (в 1865 г.) и два крейсера (1883 г. и 1907 г.). Под Андреевским флагом ходил балтийский бриг «Казарский» и одноименный черноморский минный крейсер.

II

*В ком совесть есть и есть закон,
Тот не украдёт и не обманет,
В какой нужде бы ни был он.
А вору дай хоть миллион —
Он воровать не перестанет...*

И. Крылов

18 июня 1833 года герой последней русско-турецкой войны капитан 1-го ранга и флигель-адъютант Александр Казарский *скончался*. Неожиданно для всех, в том числе – для Императорского двора.

После своей знаменательной победы над двумя турецкими флагманами Александр Казарский был назначен командиром фрегата «Поспешный», а ещё через какое-то время – возглавил новый фрегат «Тенедос». На последнем он продолжал участвовать в блокаде Босфора и отличился во взятии турецкой крепости Мессемврия.

В августе 1829 года султан Махмуд II запросил мира на условиях российской стороны. 2 (14) сентября был подписан так называемый Адрианопольский мирный договор 1829 года, завершивший русско-турецкую войну. Русская армия генерал-фельдмаршала Ивана Ивановича Дибича (ставшего «Забалканским») стояла у стен Константинополя – осталось лишь распахнуть ворота. Балканскому господству турок был нанесён непоправимый удар. Российская империя присоединила к своим территориям всё восточное побережье Чёрного моря, включая Анапу и Потю. Кроме того, Турция признавала переход к России Картли-Кахетинского царства, Имеретии, Мингрелии, Гурии, а также Эриванского и Нахичеванского ханств (переданных Ираном по Туркманчайскому миру). Отныне русским и иностранным торговым судам предоставлялось право беспрепятственного прохода через Босфор и Дарданеллы. В течение 18 месяцев Турция обязывалась выплатить России контрибуцию в размере 1,5 млн голландских червонцев. Были подтверждены автономные права Сербии, Молдавского и Валашского княжеств и пр. Бывшие союзники – британцы и французы, – по обыкновению, плели интриги и кусали друг у друга локти...

Как известно, российский император Николай I любил окружать себя красивыми женщинами и отважными мужчинами. К последним, несомненно, относились гвардейцы и флигель-адъютанты.

После окончания русско-турецкой войны Государь отозвал в столицу двух молодых флотских офицеров, пожаловав их во флигель-адъютанты: Александра Казарского и Логина Гейдена. О подвиге командира «Меркурия» мы уже говорили. Теперь о капитане 2-го ранга Гейдене: во время последней русско-турецкой войны он командовал фрегатом «Беллона»; до этого отличился в Наваринском сражении, где действовал под началом своего именитого отца – адмирала Логина Петровича Гейдена. Именно такие офицеры – обождённые войнами и проявившие храбрость в боях, – императору были необходимы для особых государственных поручений. Флигель-адъютант мог удостоиться личной аудиенции Государя, минуя все кордоны и препоны дворцового протокола.

Но было ещё одно, отличавшее этих офицеров от всех прочих: будучи уверен в личной преданности флигель-адъютантов, император *им доверял*. И это доверие дорогого стоило: любая ложь и даже неискренность могли стоить карьеры, а порой – свободы и даже жизни.

* * *

В феврале 1832 года начальником штаба Черноморского флота и портов был назначен контр-адмирал Михаил Лазарев, что для флота оказалось очень своевременным событием.

Осенью того же года Блистательная Порты в очередной раз едва не потеряла лицо: к стенам древнего Константинополя двинулись египетские войска под руководством мятежного Ибрагим-паши, приёмного сына правителя Египта Мухаммеда Али-паши (Мегмета-Али). Дело в том, что Египет в те годы считался неотъемлемой частью Турции, своего рода её вассалом, и за участие египтян в Наваринском сражении турецкий султан обещал своему египетскому наместнику (независимо от результатов баталии) Сирию. Чем закончилось Наваринское сражение – хорошо известно: полным разгромом объединённого турецко-египетского флота. Однако, как говорится, уговор – дороже денег: египетский наместник требовал Сирию! Но турки и слышать ни о чём не хотели: сначала потеряли флот – теперь ещё лишиться Сирии?!

Возмущённый такой наглостью турецкого султана, Ибрагим-паша собрал большое войско и двинулся к Константинополю. Обескровленная войной Порты не имела ни сильной армии, ни денег для сопротивления. Туркам ничего не оставалось, как вспомнить про вчерашних ненавистных друзей – Англию и Францию, – обратившись к ним за военной помощью. Однако французам на османов было глубоко наплевать, что они и продемонстрировали, проигнорировав слезливую депешу от султана. По-другому повели себя коварные британцы, мечтавшие вытеснить «лягушатников» из Египта руками местных сепаратистов. А потому англичане не спешили. (Восток – дело тонкое!) И тогда турецкий султан Махмуд II обратился за помощью... к русскому царю.

Император Николай турецкого султана, с которым приходилось постоянно конфликтовать, не переносил на дух. Но то был особый случай: азиатская змея сама приползла за помощью к русскому медведю. Змею, конечно, можно было просто-напросто растоптать, но, во-первых, она ещё была довольно сильна; а во-вторых, вокруг неё сновали падальщики – всё те же французы и британцы, жаждавшие раздела турецкого пирога. Не лучше ли, размышлял Николай, уподобившись флейтисту, заставить кобру плясать под свою дудочку...

В кратчайшие сроки было решено сформировать черноморскую эскадру и отправить её в помощь турецкому султану. 23 ноября 1832 года командиром эскадры был утверждён контр-адмирал Лазарев, на которого император возлагал большие надежды. В случае успеха операции Российская империя становилась полноправной хозяйкой Босфора и Дарданелл. А это – свободный выход к Средиземному морю и Атлантике. Правда, для этого сначала нужно было защитить турок. Именно поэтому адмиралу Лазареву поручалось *«защита Константинополя от покушения египетских войск, преграждение им перехода на европейский берег и вообще вспомоществование турецкому правительству»*.¹

Однако к новой военной кампании оказались не готовы не только турки, но и русские. (И это понятно, ведь только что закончилась русско-турецкая война.) *«Голова идёт кругом, – писал Лазарев своему другу Шестакову. – В командах большая часть рекруты, из коих 6 000 поступило в нынешнем году... Придётся учить тогда, когда надобно действовать...»*²

Из другого письма: *«Я попался в сети, крайне для меня неприятные, тем более что должность береговая, и черт знает, что ещё. Вот третий уже год, что флот здесь не ходил в море, и бог знает, от каких причин. А сегодня Севастополь вообще так пуст, что хоть шаром покати – ни одной сажени веревки, ни одного дерева, чтобы сделать стеньгу или марс-рей. Предвижу много преград, но бесполезным быть не хочу»*³.

По замыслу Лазарева, в состав эскадры должны были войти три линейных корабля, столько же фрегатов, по одному корвету и бригу. Но это – на бумаге. На самом деле на Черноморском флоте при стареющем адмирале Грейге дела, как оказалось, были не ахти. Смотр кораблей на севастопольском рейде показал, что суда не готовы не только к дальнему походу, но и для крейсерской работы вдоль крымских берегов.

– Худые корыта! – говорил в сердцах Лазарев. – Куда только смотрел и на что надеялся адмирал Грейг?!

Однако Главный командир Черноморского флота и портов Алексей Самуилович Грейг, похоже, надеялся лишь на одно: как бы *поаккуратнее* сдать должность, занимаемую им семнадцать лет, не замарав при этом честь мундира и не угодив под суд. И на это имелись веские причины. Долгое сидение на высокой должности не только расслабляет, но и развращает. Избежать опасного головокружения, сидя на карьерном Олимпе, удаётся единицам, если вообще кому-то удаётся.

* * *

В своё время флотский офицер Алексей Грейг считался на Черноморском флоте одним из лучших. Будучи ближайшим помощником адмирала Сенявина, он зарекомендовал себя решительным, отчаянным и храбрым командиром. Да и организатором был отменным!

Став Главным командиром Черноморского флота и портов и военным губернатором Николаева и Севастополя, адмирал Грейг создал в Николаеве, превратившемся при нём в красивейший город империи, Морскую астрономическую обсерваторию, но, главное, заметно усилил боевую мощь флота. В 1820 году со стапелей Николаева был спущен на воду первый на Чёрном море военный пароход «Везувий» (потом этот список пополнят «Метеор», «Молния» и другие – всего будет построено пять). В Николаеве же с его лёгкой руки сошли со стапелей первый на Черноморье 120-пушечный корабль «Варшава», 60-пушечный фрегат «Штандарт» (всего подобных фрегатов потом будет семь). За первые 12 лет своего правления адмиралу Грейгу удалось сделать Черноморский флот по-настоящему боеспособным. С 1816 по 1828 гг. было построено: линейных кораблей (линкоров) – 11, фрегатов – 4, военных судов разного размера – 17, транспортов (больших средних и малых) – всего 27, пароходов – 3, канонерских лодок – 31⁴. И это далеко не полный список.

К 1825 году, когда после смерти Александра I на трон взошёл его брат Николай Павлович, из 15 наличных кораблей Балтийского флота к службе было пригодно только 5, а из 15 черноморских – 10⁵. Цифры говорят сами за себя.

Адмирал Грейг возродил на Чёрном море обшивку подводной части кораблей защитными медными листами, позволявшими значительно продлевать сроки эксплуатации судов. Вот что он писал в своём отчёте о состоянии Севастопольского порта: «...*Со времени заведения порта морской червь размножился до того, что ныне все корабли и портовые гребные суда и барказы необходимо сочтено обшивать медью*»⁶. Обратив внимание, что на кораблях, обшитых медными листами, железные гвозди «съедаются медью», Грейг ввёл в обиход крепить листы только медными гвоздями, что повысило долговечность обшивки.

Главный командир флота впервые в мире предложил на кораблях Черноморского флота применять громоотводы, что спасло не одно судно и сотни человеческих жизней.

За свои заслуги в области астрономии, гидрографии, кораблестроения и экономики адмирал Грейг был удостоен высоких научных званий и наград: избран почётным академиком, почётным членом и вице-президентом Вольного экономического общества в Петербурге, членом Статистического общества в Англии, Астрономического общества в Копенгагене, Московского общества испытателей природы, Московского сельскохозяйственного общества; являлся

членом трёх комитетов по улучшению русского флота, а в так называемом «комитете Грейга» – был его председателем. За научную работу по гидрографии Алексей Грейг был награжден золотой медалью Петербургской Академии наук.

И многое, многое, многое...

* * *

Но времена матушки-Екатерины, Павла и Александра давно миновали; впрочем, как и лихая молодость. Подай адмирал вовремя в отставку, и его имя навсегда осталось бы в истории российского флота незапятнанным. Но этого не произошло.

В 1832 году адмиралу Грейгу уже было под шестьдесят. Не так много, скажем, для написания мемуаров или научных изысканий. А вот чтобы командовать боевым флотом и одновременно руководить хозяйственной деятельностью крупнейших морских портов – возраст, пожалуй, запредельный. Главное же заключалось в другом: командующий флотом явно не справлялся с возложенными на него обязанностями. Было ещё одно: за спиной вконец запутавшегося в финансово-материальных делах адмирала активно орудовали предприимчивые дельцы, не последнюю роль среди которых играла его дражайшая супруга – Юлия Михайловна.

Долгое время Алексея Грейга друзья и знакомые называли неисправимым холостяком. Родившийся в семье Главного командира Кронштадтского порта адмирала Самуила Грейга, он всегда пользовался повышенным женским вниманием. Однако годы шли, а место рядом с Грейгом оставалось вакантным. Так продолжалось до тех пор, пока однажды он не встретил разбитную девицу – дочь могилёвского трактирщика, некую Лию Моисеевну Витман-Сталинскую, уже побывавшую замужем, и за которой тянулся шлейф её тёмного прошлого. Ничего удивительного, что адмирал-холостяк оказался для Лии (ставшей с какого-то времени почтенной Юлией Михайловной) просто-таки подарком судьбы. Скоро они стали жить вместе. (Я не пишу поженились, так как в 1831 году в своём формулярном списке адмирал Грейг, которому его гражданская жена Лея родила сына, писал: «Англ. нации и закона, холост»³⁴.)

Дочь трактирщика быстро освоилась в новой роли «адмиральши». В резиденции своего гражданского мужа в Николаеве она создала своего рода «великосветский салон» для именитых и влиятельных лиц.

Вот что по этому поводу писал в своих «Записках» мемуарист Филипп Вигель:

«В Новороссийском краю все знали, что у Грейга есть любовница и что мало-помалу, одна за другой все жены служащих в Черноморском флоте начали к ней ездить как бы к законной супруге адмирала... Так же как Потоцкая, была она сначала служанкой в еврейской корчме под именем Лии, или под простым названием Лейки. Она была красива, ловка и умением нравиться наживала деньги. Когда прелести стали удаляться и доставляемые ими доходы уменьшаться, имела она порядочный капитал, с которым и нашла себе жениха, прежних польских войск капитана Кульчинского³⁵. Надо было переменить веру; с принятием Святого крещения к прежнему имени Лия прибавила она только литеру «Ю» и сделалась Юлией Михайловной. Через несколько времени, следуя польскому обычаю, она развелась с ним и под предлогом продажи какого-то строевого корабельного леса приехала в Николаев. Ни с кем кроме главного начальника не хотела она иметь дела, добилась до свидания с ним, потом до второго и до третьего. Как все люди с чрезмерным самолюбием, которые страшатся неудач в любовных делах, Грейг был ужасно застенчив; она на две трети сократила ему путь к успеху. Ей отменно хотелось высказать свое торжество; из угождения гордому адмиралу, который

³⁴ Официально Лия Моисеевна будет признана женой адмирала Грейга лишь в 1873 году, почти через тридцать лет после смерти мужа – при открытии ему памятника в Николаеве.

³⁵ По другим источникам – Сталинского.

*стыдился своей слабости, жила она сначала уединенно и ради скуки принимала у себя мелких чиновниц; но скоро весь город или, лучше сказать, весь флот пожелал с нею познакомиться. Она мастерски вела свое дело, не давала чувств оков ею наложенных и осторожно шла к цели своей, законному браку».*⁷

Узнав о «падении» и «моральном разложении» адмирала в объятиях простолюдинки, император Александр I был очень раздосадован. Когда в 1820 году морской министр адмирал де Траверсе запросился было в отставку, монарх полагал назначить на его место именно Грейга. Но потом передумал: де Траверсе оставил в министерском кресле, а Грейга – в Николаеве. Видимо, тогда же заговорили и о злоупотреблениях на Черноморском флоте. А это уже было серьезнее. Грейг являлся не только Главным командиром флота и портов, но и военным губернатором Николаева и Севастополя, со всеми вытекающими из этого обстоятельствами. В руках, по сути, одного человека, была сосредоточена хозяйственная деятельность не только военного, но и торгового флота: порты, причалы, склады, таможня, карантин – всё подчинялось адмиралу Грейгу. Нужно ли говорить, что в хозяйстве Грейга крутились не сотни и даже не тысячи – десятки оборотных миллионов! Достаточно сказать, что в середине 1830-х годов доход одного только одесского порта превышал выручку всех российских городов, за исключением двух столиц.

*«...Мне известно положительно, что князь [Меншиков] горячо защищал Грейга у государя, когда он хотел даже удалить его, получив сведения, что он связался с простою, алчною женщиной — писал сенатор Фишер. — Я сам читал записку князя, писанную ещё до отъезда к Анапе, в которой он ручался государю, что благородный Грейг не изменит своих действий вследствие несчастной связи с жидовкою. Государь просил князя постараться разлучить его с этой женщиной, и князь, изъясняя сомнение, что успеет в этом, повторял, что это несчастное для частной жизни Грейга обстоятельство не может ни в каком случае иметь влияние на дела службы, для которых считал Грейга незаменимым»*⁸.

Так вот. Лия Моисеевна впервые прибыла в Николаев отнюдь не в гости к сестре (как всех уверяла), а с конкретной целью – наладить поставки корабельного леса, которого где-нибудь под Могилёвом тьма-тьмущая, но только не в Крыму и Причерноморье. Женщина предприимчивая, став «женой» адмирала Грейга, Юлия Михайловна, что называется, развернулась по полной. Частные подрядчики, не без ведома супруги адмирала, набивали карманы золотом, щедро делясь и с Лией Моисеевной. На все вопросы из центра Главный командир отвечал, что для грандиозной программы строительства флота мощностей казённого Николаевского Адмиралтейства явно недостаточно. И где-то он был прав: частный подряд позволял работать быстрее и лучше. Но выгода заказчика в таком случае бывает только в единственном случае – если налажен надёжный контроль, способный не допустить злоупотреблений. В противном случае казнокрадство неизбежно.

Через Черноморский флот в те годы проходило до 12 миллионов рублей золотом, поэтому за военные поставки на Юге шла настоящая война. И многое в этой невидимой баталлии за прибыль зависело как раз от «серого кардинала», каким стала при Главном командире флота его «жена». К началу тридцатых годов благодаря стараниям Лии-Юлии сформировались целые фамильные кланы, занимавшиеся флотскими поставками.

Где большие деньги – там серьёзные злоупотребления: хищения, так называемые «откаты», приписки, мздоимство... На выходе – дырявые днища кораблей, гнилые матросские сухари, никудышное обмундирование, убогие госпитали и баланда вместо жирных щей...

* * *

Когда на Черноморский флот прибыл адмирал Лазарев, он быстро оценил чудовищный объём предстоящих работ. Понял и то, что сформировать в кратчайший срок Босфорскую эскадру не удастся. И даже не это больше всего удручало нового начальника штаба: как оказалось, здесь было кое-что пострашнее турок – свои же, тыловики, во главе с обер-интендантом Критским³⁶, которого во всём поддерживал правитель канцелярии Главного командира Иванов. Эти были опаснее османов. Как оснастить эскадру, если контр-адмирал Критский отказывался оплачивать устранение недостатков?! Обращения Лазарева к адмиралу Грейгу явились криком вопиющего в пустыне.

Тогда Михаил Петрович написал письмо начальнику Главного морского штаба адмиралу Меншикову. Заканчивая своё послание, он откровенно заявил: «...*Я признаюсь Вашей светлости, что нахожусь здесь в весьма затруднительном положении, тем более что все отзывы на представления мои к главному командиру наполнены только одними оправданиями обер-интенданта, и хотя даётся мне знать, что ему то и другое предписано, но всё остаётся по старому и ничего не делается.*»⁹

Однако ответа из Главного морского штаба не последовало.

Тогда он пишет снова, дополнительно сообщив, что Критский положил в Одесский банк украденные им из казны 100 000 рублей, после чего хотел подать в отставку. Своё письмо Лазарев закончил так: «...*А хорошо бы, если бы Государю вздумалось прислать сюда генерала Горголи³⁷ или равного ему в способностях... многие бы тайны сделались тогда известными!*»¹⁰

И вновь – молчание.

В очередном письме, которое Лазарев отправляет Меншикову спустя два месяца, адмирал уже не скрывает своего раздражения: «...*Я не знаю, когда наступит то счастливое для Черноморского флота время, что мы избавимся от столь вредного для службы человека, каков во всех отношениях есть господин Критский*»¹¹.

«...*Странная, однако ж, моя участь, – писал Лазарев в письме к Шестакову. – Чем больше хлопот и желания довести нашу часть до совершенства, тем более встречаю злонамеренных людей, тому препятствующих, и когда это кончится?»*¹²

Кончилось в августе 1833 года, когда адмирал Грейг был снят-таки с должности Главного командира Черноморского флота и портов. Но до этого Лазареву, его сменившего, пришлось и с Проливами разбираться, и с тыловиками-вредителями.

В Петербурге были прекрасно осведомлены о неблагоприятных делах на Черноморском флоте, но изменить что-либо пока не могли. Хотя бы потому, что с именем адмирала Грейга были связаны блестящие морские победы флота в период минувшей русско-турецкой войны. Поэтому снимать с должности овеянного боевой славой адмирала императору Николаю было как-то «неудобно». Это следовало сделать деликатно, дабы не затронуть хрупкое реноме адми-

³⁶ Известно, что контр-адмирал Николай Дмитриевич Критский был одноглаз. И эта его особенность была на флоте притчей во языцех. Когда командиры жаловались, что им из Адмиралтейства не всегда отпускается по штату, Критский возражал: «По штату, по штату! По штату полагается каждому по два глаза, а я вот обхожусь одним».

³⁷ Горголи, Иван Саввич (1773–1862) – русский генерал-лейтенант, действительный тайный советник, обер-полицмейстер Санкт-Петербурга (1811–1821 гг.), сенатор. По происхождению – грек. В молодости был известен как денди и франт. Н. Греч вспоминал: «В молодости своей, служба в гвардии, он был образцом рыцаря и франта. Никто не бился так на шпагах, никто так не играл в мячи, никто не одевался с таким вкусом, как он. Ему теперь за семьдесят лет, а в этих упражнениях он одолеет хоть кого». Участвовал в заговоре против Павла I. В 1809 году стал флигель-адъютантом императора Александра I. В 1811 году был назначен на должность обер-полицмейстера Санкт-Петербурга. «Одним из красивейших мужчин столицы и отважнейших генералов русской армии» назвал его А. Дюма в «Учителе фехтования».

рала³⁸. Тогда-то на Черноморском флоте и появился адмирал Лазарев. Пока – в качестве начальника штаба флота.

Вслед за ним на Чёрное море подтягивалась «лазаревская команда»: контр-адмирал Александр Авинов (шурин Лазарева, будущий командир Севастопольского порта); капитан-лейтенант Владимир Корнилов (кузен супруги Лазарева, будущий вице-адмирал и начальник штаба Черноморского флота), которого Лазарев делает своим офицером для особых поручений; капитан 2-го ранга Павел Нахимов (друг, будущий адмирал и командир Севастопольского порта); лейтенант Владимир Истомин (будущий контр-адмирал и командир Севастопольского порта) и другие. Последние трое – будущие герои обороны Севастополя в 1854–1855 гг., сложившие там свои головы. То обстоятельство, что некоторые из них являлись адмиралу родственниками, ни о чём не говорит: Лазареву позарез были нужны преданные люди. А за свою честь он ничуть не боялся: что такое честь моряка, этот человек знал не понаслышке.

В качестве примера можно привести один случай, описанный его сослуживцем, морским офицером-декабристом Дмитрием Завалишиным, плававшим с Лазаревым «в кругосветку» на фрегате «Крейсер»:

*«Раз поздно вечером, когда Лазарев уехал уже с работы... я увидел, что молния ударила в стрелу крана, служившего для подъёма мачт. Кран этот... стоил очень дорого. Но если бы допустить ему загореться, то, может быть, гибель гавани и всего флота была неотвратима... Я приказал... рубить канаты, поддерживающие кран... Лазарев страшно испугался за меня и, вообразив, что если он примет дело на себя, то во всяком случае подвергнется меньшей ответственности... Написал в рапорте, что кран срублен по его приказанию... В восемь часов отправлено было на пароходе донесение к государю, а в три часа пополудни с тем же возвратившимся пароходом Лазарев получил крест Владимира 4-й степени «за совершенный им подвиг». Лазарев был страшно сконфужен... Лазарев никогда не надевал этого креста, исключая только при посещении государя, и рад был, когда получил Владимира 3-й степени на шею и мог не носить 4-й степени, полученной за чужой подвиг».*¹³

Всем было ясно, что в должности начальника штаба флота Лазареву ходить недолго...

* * *

Когда начальник Главного морского штаба князь Александр Меншиков доложил императору Николаю о том, что отправка русской эскадры к берегам Босфора затягивается, монарх не на шутку разгневался. Ещё бы! Во-первых, Николай Павлович не предполагал столь широкомасштабных злоупотреблений на флоте; и во-вторых, отправка эскадры не могла быть сорвана ни по какой причине!

– Мы должны быть на Босфоре любой ценой! – горячился Николай. – Грейг, Критский... Что это такое?! Разобраться! – выговаривал император Меншикову. – Мы не можем допустить беззастенчивого ограбления казны! Виновных – под суд! Пока мы тут боремся с казнокрадами, наши недруги оседлают Босфор!..

Николай Павлович был близок к истине. Никто, в том числе и российский император, тогда не знал, что коварные британцы (а за ними – и французы) уже послали к турецкому султану гонцов, уверявших того о самых лучших намерениях своих монархов.

---

³⁸ Мореплаватели-адмиралы М. Н. Станюковича (отец писателя Константина Станюковича) и Ф. Ф. Беллингаузен, служившие под началом адмирала Грейга, назвали его именем открытые ими: мыс Грейга в Беринговом море (открыт Станюковичем) и остров Грейга в архипелаге Россиян в Тихом океане (открыт Беллингаузеном).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.